

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л ISSN 2408-932X

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

R E S E A R C H R E S U L T

Том 4 | № 2
Volume 4 | 2018

СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL STUDIES
AND HUMANITIES

Сайт журнала:
rrhumanities.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-55674 от 28 октября 2013 г.

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications, information, technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El. № FS 77-55674 of October 28, 2013

Том 4. № 2. 2018

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-932X

Volume 4. № 2. 2018

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-932X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Ольхов П.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора – выпускающий редактор: Мотовникова Е.Н., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Редактор английских текстов: Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Ответственный секретарь: Ряпухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент, директор Сербского ресурсного центра, доцент кафедры стратегического управления Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, доцент кафедры культурологии и политологии социально-теологического факультета НИУ «БелГУ», Россия

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы философии», Россия – **председатель редакционной коллегии**

Антанасиевич И., доктор филологических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Института культурологии и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагиц С., доктор политических наук, доцент факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Болгов Н.Н., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и зарубежного регионоведения историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Буксикова О.Б., доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой теории и методики хореографического искусства факультета режиссуры, актёрского искусства и хореографии Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор, Университет Северной Каролины, США

Быстрянец С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры истории и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Вендт С., доктор наук, профессор, заместитель руководителя факультета психологии, социальной работы и социальной политики, старший научный сотрудник Центра гендерных исследований Университета Южной Австралии, Австралийский Союз

Вересов Н.Н., доктор философии, кандидат психологических наук, профессор, университет Монаша, Австралийский Союз

Винцигуэрра Лоренцо, профессор философии и эстетики, Реймский университет, директор Центра искусствоведения и эстетики, Франция

Волкова О.А., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Денич (Михаилович) Сунчица М., доктор филологических наук, профессор, декан Педагогического факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: PAVEL A. OLKHOV, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

Deputy chief – make-up editor: ELENA N. MOTOVNIKOVA, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

English text editor: IGOR V. LYASHENKO, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Russia

EXECUTIVE SECRETARY: VICTORIA N. RYAPUKHINA, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Serbian Resource Center, Associate Professor of Strategic Management, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Political Science, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

BORIS I. PRUZHININ, Doctor of Philosophy, Professor, Editor-in-chief of "Voprosy Filosofii", Russia – **Chairman**

IRINA ANTANASIEVIĆ, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

ARKADY A. ARONOV, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of Civilization and Museum Management Studies Department, Institute of Cultural Studies and Museum Management Studies of Moscow State University of Arts and Humanities, Russia

SINIŠA ATLAGIĆ, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Nikolai N. Bolgov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of World History and Foreign Area Studies, History and Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

OLGA B. BUKSIKOVA, Doctor of Art Study, Head of the Department of Theory and Methodology of Choreography, Producing, Dramatics and Choreography Faculty of Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia

Marina F. Bykova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religion North Carolina State University, USA

SERGEY B. BYSTRYANTSEV, Doctor of Sociology, Professor, Department of History and Political Sciences, St. Petersburg State University of Economics, Russia

SARAH WENDT, Doctor of Science, Professor, Deputy Head of the Faculty of Psychology, Social Work and Social Policy, Chief Researcher at the Center for Gender Studies, the University of South Australia

NIKOLAI N. VERESOV, Doctor of Philosophy, Candidate of Psychology, Professor, The Monash University, Australia

LORENZO VINCIGUERRA, Professor of Philosophy and Aesthetics at Reims University, director of the Center for Research in Arts and Aesthetics, France

OLGA A. VOLKOVA, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Social Work, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

SUNČICA M. DENIĆ (MIKHAILOVIĆ), Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Education, State University of Nis, Republic of Serbia

MIKHAIL S. ZHIROV, Doctor of Education, Professor of the Chair of Folk Singing of the Belgorod State Institute of Arts and Culture, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Russia

ILYA F. ISAEV, Doctor of Education, Professor, Emeritus Professor of Belgorod National Research University, Russia

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры искусства народного пения Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор, Почетный профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии Института переподготовки и повышения квалификации Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожемякин Е.А., доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Лобанов К.Н., доктор политических наук, доцент, профессор кафедры административно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России, Россия

Майданский А.Д., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор Московского педагогического государственного университета, Россия

Ойтinen Веса, доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия

Пенской В.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор, руководитель Школы философии, ведущий научный сотрудник Лаборатории исследования философии Центра фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, директор Гуманитарного института Астраханского государственного университета, Россия

Талига Х., кандидат философских наук, директор Taliga Consulting (Таллинн), эксперт Международной организации труда, Эстония

Фёдорова М.М., доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук, Россия

Хамидов А.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Харченко В.К., доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Шувакович У., доктор политических наук, профессор кафедры социологии философского факультета государственного Приштинского университета с временным местонахождением в Косовска-Митровице, Республика Сербия

Щедрина Т.Г., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Юбара Анет, доктор философии, доцент Майнцского университета Иоганна Гутенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

VLADIMIR M. KAPITSYN, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Sociology and Political Sciences, Institute for Professional Development, Lomonosov Moscow State University, Russia

EUGENE A. KOZHEMYAKIN, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Communication, Advertising and Public Relations, Faculty of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

ALEXANDER P. KORCHENSKY, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

VASILY V. LIPICH, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology, History and Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

TAMARA I. LIPICH, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

KONSTANTIN N. LOBANOV, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Administrative Law, Belgorod Law Institute of the Russian Interior Ministry, Russia

ANDREY D. MAIDANSKY, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

GORAN MAKSIMOVIĆ, Doctor of Philology, Professor of the Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

DEJAN MARKOVIĆ, Ph.D., Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

LYUDMILA A. MIKESHINA, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of Moscow State Pedagogical University, Russia

VESA OITTINEN, Doctor of philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

ELENA A. OKLADNIKOVA, Doctor of Historical Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

VITALY V. PENSKOV, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

VLADIMIR N. PORUS, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the School of Philosophy, a Leading Researcher of the Laboratory of Research of Philosophy, Center for Basic Research of the National Research University "Higher School of Economics", Russia

ANNA P. ROMANOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Humanities Institute, Astrakhan State University, Russia

HARRI TALIGA, PhD in Philosophy, Director of Taliga Consulting (Tallinn), International Labour Management Expert, Estonia

Maria M. Fedorova, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

ALEXANDER A. KHAMIDOV, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

VERA K. KHARCHENKO, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology, History and Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

ZHU TSZYANGAN, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Philology at the University of Suzhou, Jiangsu Province, People's Republic of China

Uros Suvakovic, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Sociology Faculty of Philosophy of State University of Pristina with temporary located in Kosovska Mitrovica, Republic of Serbia

TATIANA G. SHCHEDRINA, Doctor of Philosophy, Professor of Moscow State Pedagogical University, Russia

ANNETT JUBARA, Doctor of Philosophy, Docent, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University»

Publisher: Belgorod National Research University

Address of publisher: 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

Publication frequency: 4 /year

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИССЛЕДОВАНИЯ		RESEARCHES	
Маркович Д. С. Леснинские сестры и их духовная работа в Сербии в начале XX века	4	Markovich D. S. Sisterhood of the Lesna convent and their spiritual work in Serbia in the beginning of the 20th century	4
Пенской В. В., Пенская Т. М. Московская «недотирания» раннего Нового времени в современной историографии	18	Penskoy V. V., Penskaya T. M. The Early Modern Muscovite "sub-tyrrany" in modern historiography	18
АРХИВ		ARCHIVE	
Денисова И. В., Лю-Ку-Тан В. А. Преподаватели Закона Божьего в Белгородском учительском институте в конце XIX – начале XX века	33	Denisova I. V., Lyu-Ku-Tan V. A. Teachers of the law of God in the Belgorod Teacher's Training Institute at the end of the 19 th and the beginning of the 20 th century	33
Черномаз П. А. Слобожанские ветви родового древа святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского (Максимовича)	45	Chernomaz P. A. Slobozhan branches of the family tree of Saint John (Maximovich) of Shanghai and San Francisco	45
MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ		MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS	
Вешнинский Ю. Г. Город стереоскопический или Память культуры (Впечатления участника конференции и сборника. Социальная антропология города / Под науч. ред. Окладниковой Е.А. СПб.: Л-Принт, 2018. 137 с.)	54	Veshninsky Yu. G. City stereoscopic or Memory of culture (Impressions of the Conference Participant and coauthor of the Collection of Works: E.A. Okladnikova (Ed.) (2018) Social Anthropology of the City, L-Print, St. Petersburg.)	54

ИССЛЕДОВАНИЯ
RESEARCHES

УДК 271

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-2-0-1

Маркович Д. С.

ЛЕСНИНСКИЕ СЕСТРЫ И ИХ ДУХОВНАЯ РАБОТА
В СЕРБИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Философский факультет Нишского государственного университета,
ул. Кирилла и Мефодия, д. 2, г. Ниш, 18000, Республика Сербия;
dejan.markovic@filfak.ni.ac.rs

Аннотация. Октябрьская революция в России обусловила тяжелое положение в Русской Православной Церкви, и многие русские священнослужители эмигрировали в тогдашнее Королевство сербов, хорватов и словенцев (1918–1929). Принявшие Сербию как свой второй дом, русские взяли на себя активную роль, помимо прочего, в учреждении монастырей и обновлении духовной и культурной жизни сербов. Русские священнослужители, перебравшиеся в сербские края, оставили огромный вклад в сербской культурной и духовной жизни. Нет однозначных и точных сведений об общем их количестве, так как многие из них оказались в Сербии транзитом и не регистрировали свое пребывание в государственных органах. Их распределяли в различные епархии Сербской православной церкви, без какого-либо централизованного учета.

В это время традиция женских монастырей в Сербии угасала из-за очень тяжелых условий для их деятельности под турецким игом. В составе волны русской эмиграции 1920-ых годов особое место занимают 80 сестер Леснинского Богородичного монастыря во главе с игуменьей Екатериной, которые с разрешения СПЦ поселились в монастыре Хопово на Фрушской горе. Это сестричество оставило огромный след в развитии сербского монашества, подняло духовность на новый уровень, обновило запустелые монастыри периода турецкой оккупации и дало глоток новой жизни полуугасшему сербскому женскому монашеству. Благодаря им появились другие женские монастыри, сербско-русские или только русские, в которых игуменьями были поставлены воспитанницы матушки Екатерины. Таким образом, она стала родоначальницей современного сербского женского монашества.

Ключевые слова: сербское женское монашество; Леснинский монастырь; русская духовная эмиграция; игуменья Екатерина; монастырь Хопово.

D. S. Markovich

SISTERHOOD OF THE LESNA CONVENT AND THEIR SPIRITUAL WORK IN SERBIA IN THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

University of Nis, Faculty of Philosophy in Nis, 2 Cyril and Methodious St., 18000, Nis, Serbia;
dejan.markovic@filfak.ni.ac.rs

Abstract. The October Revolution in Russia led to a difficult situation in the Russian Orthodox Church and caused many Russians to emigrate to the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (1918-1929). By accepting Serbia as its second homeland, Russians participated, among other things, in the foundation of monasteries and restoration of entire spiritual and cultural life of Serbs. The Russian clergy who fled to the Kingdom of SHS have left an idelible mark on Serbian spiritual life and culture. There is no precise data on the total number of these clergy, since many of them came to Serbia only in transit, and did not have to apply to the state authorities for service. They were placed under the authority of the Serbian Orthodox Church in a number of eparchys, without keeping centralized record of their tenure.

The tradition of convents in the region was slowly extinguishing at that time, due to very difficult conditions for such activity under Turkish rule. In a wave of Russian emigration from 1920's, 80 nuns from the Lesna Convent of the Most-Holy Mother of God are standing out, led by hegumenia Yekaterina. With the permission of the Serbian Ortodox Church, they settle the monastery Hopovo in Fruska Gora. They leave an indelible mark in the development and direction of Serbian monasticism, raise spirituality and life in general, restore abandoned monasteries from the period of slavery under the Turks, and give new life to the declining Serbian female monasticism. Thanks to their effort, other Serbo-Russian or only Russian convents start to appear, where pupils of mother Yekaterina were appointed hegumenias. Therefore, she became the founder of modern Serbian female monasticism.

Keywords: Serbian female monasticism; Lesna Convent of the Most-Holy Mother of God; nun sisterhood; hegumenia Yekaterina; Hopovo.

Задущбина (т.е. за душу) – в Сербии издавна так называют храм или монастырь, выстроенный кем-либо из благочестивых христиан *за душу*, то есть во спасение души. Однако святитель Николай Велимирович дал более широкое толкование этому понятию: добрые дела, которые каждый по силам может совершать ради ближнего, не менее ценны в глазах Божиих и тоже могут быть отнесены к *задущбинам*. Сербские правители в Средние века строили задущбины, возводили церкви и монастыри, в которых монахи и отшельники молились о спасении их души, всего народа и сербского государства. Эти монастыри были центрами сербской средневековой культуры. Рядом с ними супруги сербских вель-

мож и последних сербских правителей основывали с такой же целью женские монастыри.

После порабощения сербского государства, во время турецкой оккупации, исчезли все женские православные монастыри. В Воеводине последним был монастырь Старый Язак, закрытый в 1774 году. В Сербии и Сербской православной церкви традиция деятельности женских монастырей была подорвана тяжелейшими историческими событиями периода владычества Османской империи, и непосредственно после Первой мировой войны также не было никаких возможностей для обновления женского монашества. Но в Королевской Югославии после Первой мировой войны наби-

рало силу богомольческое движение, в котором проявлялось духовное преображение сербского народа. Такое богомольческое движение возникло само по себе, по внутреннему волеизъявлению простого народа в качестве противовеса марксистскому атеизму и вульгарному материализму, как желание духовного очищения и обновления и как форма всенародного покаяния. С огромным миссионерским вдохновением небольшая группа богомольцев ходила в народ с проповедью Христовой науки во имя спасения. Во многих сербских деревнях и городах появились общества богомольцев. Они собирались около церквей и монастырей.

Само название движения богомольцы взяли из Евангелия от Иоанна, «Но настает время, и настало уже, когда истинные (в русском переводе – *поклонники*, в сербском – *богомольцы*) будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких ... Отец ищет Себе» [3, 23]. Плодотворной почвой для деятельности русского духовенства в Сербии в эти тяжелые для православной веры времена и явилось это сербское народное спонтанное богомольческое движение, из которого постепенно формировался сербский монашеский корпус, который усваивал общезначительные монашеские традиции, в том числе исихазм, старчество и монашескую богослужебную практику.

В самом начале это народное явление смутило владык и священство Сербской православной церкви. Оно думало, что имеет дело с фанатиками. Но, по предложению Святого Архиерейского Собора, духовное руководство этим стихийным народным порывом взял на себя владыка Николай Велимирович (Николай Сербский) [см.: 16]. Можно сказать, что владыка был неофициальным патриархом Сербской Православной Церкви, такую его слова имели силу в народе. Когда в 30-х годах XX в. Милан Стоядинович со своим правительством подписывал позорный конкордат королевства Югославии с Ватиканом, Владыка Николай поднял всю Сербию. В истории Сербии это событие осталось как

конкордатская борьба, борьба против подписания договора (конкордата), который давал бы право католикам вести прозелитическую деятельность и экспансию против Сербской Церкви и сербской государственности. Сербское священство и православный народ поэтому и противостояли подписанию конкордата. В июле 1937 г. был организован Крестный ход через Белград, который в народе запомнился как *кровавая лития*. Тогдашний министр полиции, католический поп Корошец, натравил жандармов (полицейских), в основном словенцев и хорватов, на мирный Крестный ход в Белграде 19 июля 1937 года. Участники Крестного хода, богомольцы, миряне, епископы и священники, получили тяжелые травмы и ранения. Однако конкордат так и не был подписан. В этом велика была заслуга Владыки Николая и богомольцев.

Как мы видим, Николай Велимирович был выдающейся личностью Сербской Православной Церкви в тот самый период, который охватывает тема статьи, а еще одним значимым деятелем этого движения был преподобный Иустин Попович. Они оба питали горячую любовь к русскому народу, некоторое время провели в России и имели тесные связи с русским духовенством и народом.

Точным названием Богомольческого движения было «Православное народное христианское сообщество», и начало ему было положено еще во время Первой мировой войны, когда ужасы этого времени обратили многих людей к Богу и Церкви. Сербская народная пословица гласит: «Без неволе нема богомолье» (рус.: «Без неволи нет богомолья»). У сербов возникла нужда в покаянии, укрепилась потребность в очищении от греха, злых пристрастий и пороков. Народ, воодушевленный Христом и любовью Христовой, пошел в церковь на покаяние, молитву, исповедь, с целью облагородить свои души. Целые семьи уходили в монастыри. Богомольцы были кроткими и смиренными, помогали сиротам, посещали больных, шли помогать в сельских работах немощным старикам и вдовам погибших

солдат, вместе пели и молились. Стоит упомянуть, что вплоть до начала Второй мировой войны богомольческое движение нарастало и перед войной состояло уже из 900 братств, включавших 150000 активных членов. Оно дало Сербской церкви монахов, которые вдохнули жизнь в опустевшие монастыри. Из года в год проводились соборы богомольцев, на которых владыка Николай бывал самым дорогим гостем. О богомольческом движении владыка Николай написал книгу «Диван», которая переведена на русский язык под названием «Наука чудес»¹. Название эта книга получила по монастырю Дивостин, в котором проводились богомольческие соборы, а это слово созвучно сербскому слову со значением «удивительный, прекрасный».

Приведем один фрагмент проповеди Владыки Николая о богомольцах «Очаг веры во тьме современности»: «В то время в народе появились люди и группы людей, которых прозвали богомольцами. Они не хотели знать ничего, кроме Бога и своей души, и выдвигали принцип: Начни с себя! Они читали Священное Писание, пели духовные песнопения, собирались на молитвы, совершали паломничества по монастырям, исповедовались и калялись в грехах, постились и причащались, рассказывали о чудесах Божиих в своей жизни. Так они разжигали фитиль веры в своих душах. Их презирали, высмеивали, гнали, арестовывали, мучили (в предвоенной Сербии), но они не обращали внимания на все это. Их называли безумными. Называли так и меня, говоря: «Неужели этот Николай так долго прожил в просвещенной Англии для того, чтобы сейчас дружить с этими безумцами?» Они не знали, что именно Англия укрепила меня в богомольстве. А когда меня называли безумцем, я радовался. Дай мне Бог, чтобы это народное безумие никогда не ослабело во мне до конца моей жизни». Николай (Велимирович) был прославлен Сербской Православной Церковью в мае 2003 года (его память празднуется 5/18 марта, в день его кончины, и 20 апреля

/ 3 мая, в день перенесения мощей из Америки в Сербию. Но в сознании сербов епископ Николай был святым еще при жизни. Первым, кто обратился к нему как к святому и молился как святому, был выдающийся сербский богослов и церковный деятель отец Иустин (Попович) (1894–1979), которого в 2010 году Сербская Православная Церковь тоже прославила в лике святых (память 25 марта / 7 апреля). Во время его обучения в Белградской семинарии из всех преподавателей самое сильное влияние оказал на него именно тогдашний иеромонах Николай (Велимирович), который относился к нему с отеческой любовью и пристально следил за его духовным становлением. На протяжении всей жизни их связывала крепкая духовная дружба. С момента смерти Владыки Николая и до конца своей жизни отец Иустин называл великого пастыря святым Владыкой Николаем. Он говорил так и в своей проповеди после панихиды по Владыке, совершаемой каждый год в день смерти Святителя в задушбине Лелич, и всегда, когда писал или рассказывал о нем.

В отличие от Сербии, в России под заметным влиянием Византии, в которой женское монашество еще с ранних времен христианства было очень развито, количество женских православных монастырей было очень велико. Это были святые места, где не только молились и совершали свой подвиг монахини, но и велась особая культурная и социальная деятельность. Поэтому, именно из-за того, что в Сербии в то время не существовало женских монастырей, многие девушки из Сербии уезжали в Россию, чтобы там вести духовную монашескую жизнь.

«После окончания Первой мировой войны на территории сегодняшней объединенной Сербской православной церкви был только один женский монастырь с десятью насельницами – это Беровский монастырь в Злетовско-Струмичской епархии. В 1924 году существовало четыре женских монастыря: Хопово, Кувейдин, Берово и

¹ Святитель Николай Сербский (Велимирович). Наука чудес. М.: Паломник, 2011. 400 с.

Св. Ильи – Мирковцы, а общая численность монахинь была 107 сестер. Перед началом Второй мировой войны 12 епархий Сербской православной церкви имели женские монастыри, точное число их было 27. В них было зарегистрировано 397 сестер. Согласно Статистическим сведениям епархий за 1969 год, Сербская церковь насчитывала 81 женский монастырь с 845 насельниками» [8, с. 23, 24].

Настоящей обновительницей сербского женского монашества была русская игуменья графского происхождения, матушка Екатерина. Поэтому сегодняшние сербские монашки должны ее упоминать как свою духовную мать. Но, к сожалению, не все сербы знают о ней.

В материалах для библиографического словаря «Писательницы России» составителя Ю.А. Горбунова (<http://book.uraic.ru/elib/authors/gorbunov>) мы нашли следующие заметки о матери Екатерине: «Ефимовская Евгения Борисовна, графиня (1850–1925), поэтесса. Родилась в Москве. Окончила университет. Была знакома с И.С. Тургеневым, В.С. Соловьевым, увлекалась трудами А.С. Хомякова. Ее стихи печатались в «Русском вестнике» М.Н. Каткова и «Руси» И.С. Аксакова. В Москве открыла школу для бедных девушек. В 1884 создала православное сестричество в бывшем католическом монастыре польского с. Лесна (Седлецкой губернии). При монастыре открывались детские дома, церковно-учительские школы, с\х курсы, больница, богадельня. Женское монашество Западного края России оказалось под духовным руководством игуменьи Екатерины, принявшей постриг в 1908. В революционные годы Леснинская обитель обосновалась во фрушкогорском монастыре Хопово близ Нового Сада в Сербии. Почетная игуменья скончалась в 1925» [2, с. 33; 39].

А в другом источнике о ней написано следующее: «В молодости она увлекалась народническими и либеральными течениями, вращаясь в передовых интеллигентских кругах, переписывалась и спорила с В. Соловьевым, с философски образован-

ным иеромонахом Михаилом Грибановским, инспектором Петербургской Академии (впоследствии епископ Таврический); была хорошо осведомлена в вопросах философии, богословия – вообще была очень образованная женщина. Она довольно долго жила за границей и больше других стран полюбила Англию. Не раз с увлечением рассказывала она мне об английском духовенстве, о быте епископов, чистоте их общественных и семейных нравов. Вскоре по возвращении в Россию она пережила глубокий душевный переворот – и приняла монашество, оставаясь, однако, верной своей горячей любви к народу. “Я стала монахиней скорее из любви к народу, чем к Богу”» [7, с. 28].

Первоначальное образование графиня получила от англичанки, которая проживала в доме Ефимовских, а потом училась у профессоров Московского университета, в котором Евгения Борисовна в 1869 году сдала экзамен для получения университетского диплома по русскому языку и литературе. Она писала стихи и повести для литературных журналов, а вскоре стала изучать и святоотеческие труды и писать на богословские темы церковно-религиозные публикации. За свою жизнь игуменья Екатерина создала несколько работ, из которых наиболее известна была «О диакониссах первых веков христианства». Этот труд впервые опубликован в журнале «Христианин» в 1908 и 1909 годах.

В 1870-е годы ее мать уехала к больному отцу в провинцию, где он служил, а она осталась в Москве с младшей сестрой и работала учительницей французского языка в Николаевском институте. После смерти отца Екатерина открыла собственную школу-пансион, где в 1877 году сильно обожгла ногу и была вынуждена закрыть этот пансион. Долго болела, а потом переехала в деревню, в которой обнаружила огромную пропасть между простым народом и интеллигенцией в России.

Евгения Борисовна оттуда уезжает в Европу, сначала во Францию, где посещает Ивана Сергеевича Тургенева, а потом – в Англию. После возвращения в Россию в

1880-е годы, она служит в Екатерининском Институте в Петербурге, работает в женском епархиальном училище при Велико-Будищском монастыре в Полтавской губернии, заведует приютом Анны Федоровны Аксаковой (урожд. Тютчевой) и преподает в православной школе Сергея Александровича Рачинского (1833-1902). Таким образом, еще до принятия монашеских обетов, она успевает приобрести опыт скромного и смиренного служения в школе Рачинского. «Несмотря на то, что школы Рачинского достигли блестящих результатов, многие педагоги конца XIX – начала XX века и современные ученые относили С.А. Рачинского к апологетам церковно-приходской школы. Его называли даже *махровым реакционером*» (см.: [13]). С.А. Рачинский усматривал основу духовности ребенка прежде всего в религии. В служителях церкви в условиях тогдашней деревни он видел наиболее подготовленных учителей и замечал, что народ сам признает духовенство своим учителем. А главная отличительная особенность сельской школы, по убеждению Рачинского, состояла в том, что она прежде всего учреждение воспитательное. До создания образцовой сельской школы Рачинский заведовал кафедрой физиологии растений в Московском университете. Выйдя в отставку в 1868, он в 1872 году поселился в своем имении Татево, где занялся православной педагогической и публицистической деятельностью и стал пропагандировать народное образование в церковном духе. В школе профессора Рачинского господствовали дух народной культуры и традиции. Его школу можно назвать школой «добрых нравов». Сейчас мы можем сказать, что школа Рачинского действительно была образцом для всех церковно-приходских школ, а опыт, полученный графиней Ефимовской в Татево, позже нашел широкое применение в ее леснинских школах.

Графиня Ефимовская очень хотела следовать примеру Рачинского и помогать бедным получить образование. Со многими учеными иерархами, теологами и литерату-

роведами того времени она состояла в переписке. Все ее очень уважали за ее ум и преклонялись перед ее красотой. После того как она в Татево обучилась методу преподавания, сама стала преподавать. Будучи вхожей в круг Аксаковых, она столкнулась с христианским укладом, что дало ей возможность понять монашество как деятельность, способную помочь ближним. Она в этот период попробовала свои силы в качестве приглашенной светской учительницы в Велико-Будищском монастыре на Полтавщине, а спустя некоторое время, по совету двух известных старцев – Преп. Амвросия Оптинского и Св. праведного Иоанна Кронштадтского – направилась в бывший униатский монастырь возле места Лесна, приняв в нем постриг с именем Екатерины. Об этом приведем воспоминания Митрополита Евлогия Георгиевского: «Варшавский архиепископ Леонтий предложил ей основать женскую обитель в Лесной. Прежде это был католический монастырь *паулинов*, но монахи скомпрометировали себя в польском восстании, и их удалили. Монастырь стоял пустой. Не решаясь взять на себя столь ответственное дело, матушка Екатерина отправилась к Оптинскому старцу Амвросию за советом и благословением; рассказала ему, что деятельность будущего монастыря представляется ей несколько в ином виде, чем обычно: широкая просветительная работа, культурное воздействие на население – школы, больницы, приюты... а на это новшество она самавольно не решается. – Новый монастырь, по-новому и устрой... – сказал старец, – а теперь я тебя поисповедаю. У матушки Екатерины не было с собой мантии, о. Амвросий надел на нее свою и стал исповедовать...» [7, с. 28].

Так духовный путь Евгении Борисовны Ефимовской начался в польской деревне Лесна Яновского уезда Седлецкой губернии, когда она становится настоятельницей созданной ею православной женской общины. Там, в небольшом прицерковном домике, начинает она обустривать будущую обитель. Этот край именовался «Холмской

Русью» и до прихода сестер был в запустении. Духовная жизнь не была развита, а жил там простой и непросвещенный народ. Многие жители были даже и не крещены. Предложение архиепископа Леонтия матушка Екатерина приняла по призванию, будучи внутренне хорошо подготовленной к монашескому служению, так как росла она в православной семье, где вопрос о смысле жизни был поставлен в соответствии с духом Евангелия. Св. прав. Иоанн Кронштадтский постоянно оказывал и духовную и финансовую помощь в становлении монастыря. А Амвросий Оптинский, опытный руководитель женским монашеским подвигом, составил для леснинских сестер келейное правило.

Несомненно, определенную роль во взглядах будущей матушки Екатерины сыграла и тогдашняя обстановка в России. Женский вопрос в общественной жизни стал активно обсуждаться в эпоху великих реформ второй половины XIX века, когда российское общество получило новые мощные дополнительные импульсы, связанные с обретением закрепощенными гражданами личной свободы, быстрым экономическим подъемом в сфере промышленности, что привело к вовлечению огромного людского потенциала (в том числе и женщин) в активную производственную и социально-политическую деятельность. Поэтому идея участия женщин в общественной жизни занимала людей различных политических взглядов, и графиня Ефимовская не была в этом исключением. Она очень хотела помочь всем нуждающимся в ее помощи. Жизнь монастыря игуменья Екатерина видела связанной с просветительской и благотворительной деятельностью, школами, больницами, приютами.

В самом начале, в 1885 году, у нее было пять монахинь. Количество монахинь ко времени переворота, устроенного большевиками в России, достигло трехсот. В монастыре был дом для стариков, больница, школа и гимназия, школа для учителей. Таким образом игуменья Екатерине удалось осуществить давнюю свою мечту – чтобы

тысячи девушек с помощью молитв к Господу получили еще и образование. В церковно-учительской школе готовились педагогические кадры, существовало высшее сельскохозяйственное училище. Материальной базой стало крепкое монастырское хозяйство: птицеферма и молочная ферма, паровая мельница, различные мастерские, разводилась рыба. Существовал даже собственный подъездной железнодорожный путь. Монастырь, в котором через 15 лет после основания было шесть храмов, среди них собор в честь Воздвижения Креста Господня, стал не только культурно-просветительным, но и духовным центром Холмщины. На Троицу и в день Воздвижения Креста Господня в обитель стекалось до 30 тысяч паломников. Современники об этом времени писали: «Леснинский монастырь находился недалеко от г. Белы Седлецкой губернии, в 5-6 часах езды от Холма. С течением времени он стал, действительно, тем культурно-просветительным центром, который матушка Екатерина задумала создать. Она основала приюты для сирот, школы для младшего, среднего и старшего возраста, высшее сельскохозяйственное женское училище, церковно-учительскую школу (церковно-учительскую семинарию). В школах ее обучалось до тысячи детей. Можно смело сказать, что весь народ холмский проходил через ее приюты и школы, вся сельская интеллигенция: учителя, учительницы, волостные писари, агрономы, псаломщики... – в большинстве были ее воспитанниками. Мало этого, она развела ботанический фармацевтический сад с лабораторией, которой заведовал специальный фармацевт; устроила паровую мельницу; отлично поставила рыбоводство на леснинских прудах посредством сложной системы сообщения между ними. В Леснинском монастыре создалась какая-то особая культурная атмосфера. Характерными его чертами были: разумный, неослабный труд и духовное воодушевление. Душою обители несомненно надо признать матушку Екатерину. Это была святая душа. К себе строгая, подвижница-молит-

венница и постница, к другим снисходительная, всегда веселая, – она была общительна, любила пошутить, пофилософствовать, побогословствовать, имея для этого данные. Духовный подвиг несла сокровенно, заметая следы, и лишь приближенные сестры догадывались, что она по ночам подолгу молится...» [7, с. 28].

В Лесне матушку-настоятельницу и прибывших с ней сестер встретили местной Леснинской иконой Божией Матери, которая впоследствии стала символом и покровительницей будущей общины. Куда бы сестры ни переселялись, по Божию промыслу икона следовала с ними.

Игуменья Екатерине удалось создать за тридцать лет в Лесне очень многое. В 1889 г. обитель была преобразована в общежительный монастырь, названный Свято-Богородичным во имя Леснинской иконы Божией Матери и к началу Первой мировой он стал одним из крупнейших в России.

Надо сказать, что в 1908 году, собираясь принять схиму, матушка Екатерина передала настоятельство своей помощнице, матери Нине (Косаковской), а детский приют – монахини Феодоре (княгине Львовской), будущей Игуменье Леснинского монастыря. Однако из-за последующей судьбы России и обители матушке Екатерине так и не удалось отойти от дел, и вместе с Игуменьей Ниной она понесла и в бегстве свое духовное водительство, пока не скончалась в югославской больнице в 1925 году.

Великое церковное культурно-просветительное значение Леснинского монастыря по достоинству оценивалось и в высших сферах. Царская семья бывала там неоднократно. Император и Императрица хорошо знали и ценили основательницу Леснинского монастыря игуменью Екатерину. Вот как описывает в своих мемуарах одно из посещений участник встречи царской семьи Митрополит Евлогий: «Епископ Герман как местный архиерей, опять вместо болящего старца, архиепископа Иеронима, и я как благочинный монастыря участвовали во встрече Высочайших Особ. Они

прослушали Божественную Литургию, подробно осмотрели все монастырские учреждения; скромно, по-монастырски, позавтракали. Непринужденная беседа продолжалась несколько часов. Несомненно, картина монастырской жизни в ее разнообразных проявлениях оставила глубокое и светлое впечатление у Высоких гостей. Могу об этом судить по тому, что гораздо позднее, когда по званию члена Государственной думы я со своими думскими коллегами представлялся Государю и Императрице, она, здороваясь со мной, сказала: "Вы помните наше посещение Леснинского монастыря? Не правда ли, какой там чудный детский мир"» [7, с. 30].

Из истории Леснинского монастыря: в обители к 1914-му году было принято на воспитание 700 детей, на праздники стекалось до 30 000 богомольцев, жило около 500 сестер. Обитель украшало благородство, уважение к человеческой личности и милосердие к ближним. С комплексом своих храмов и учреждений монастырь, действительно, как предрекал св. Иоанн Кронштадтский, стал подобен лавре. Матушка уделяла время занятию богословскими науками, вела переписку с выдающимися иерархами: архиепископом Леонтием, митрополитом Антонием Вадковским, епископом Антонием Храповицким. В целом она разделяла взгляд на женское монашество о. Иоанна Кронштадтского: побольше дела, поменьше самолюбия. Помимо детских школ (церковно-учительной, ремесленной и сельскохозяйственной) при монастыре были созданы ясли – явление непривычное в те годы, новое для России. Действовали и больница, имевшая собственную операционную, и принимавшая до нескольких тысяч пациентов в год, и небольшая богадельня для одиноких стариков. Монахини сами сеяли лекарственные травы и изготавливали лечебные препараты, которые раздавались бесплатно больным. В разные стороны протянулись из Лесны устроенные по ее образцу духовные центры. В Петербурге, Холме, Варшаве и Ялте

у монастыря были свои подворья. За тридцать лет Лесна стала одним из главных православных центров в западных землях.

Даже начало Первой мировой войны не нарушило внутренней связи этой христианской семьи. Но начинало сбываться другое предсказание отца Иоанна, указавшего, что придется обители покинуть свое место. В 1915 году русские войска отошли за реку Буг, и монастырю тоже пришлось эвакуироваться вглубь Российской империи. Все сестры и более 600 учащихся были эвакуированы в разные концы страны, продолжая молиться друг за друга. В это время все монастыри из западных губерний эвакуировались в глубь России. Большая часть сестер, вместе со своей святыней, чудотворной иконой, переехала в Петроград. И это событие было предвидено св. Иоанном Кронштадтским: в Иоанниковском монастыре, который он построил в начале XX века, была сделана, к всеобщему тогда удивлению, пристройка для сестер Леснинского монастыря.

В августе 1917-го леснинские сестры, нашедшие приют в столице, по приглашению епископа Холмского Анастасия переехали в Кишиневскую епархию; там их и застала весть об октябрьских событиях в Петрограде. Около четырех лет провели они на Днестре, и в 1920-м были вынуждены просить убежища у сербского короля Александра, поскольку румынские власти требовали, чтобы сестринство имело румынское гражданство, а местная церковная администрация настаивала, чтобы службы совершались на румынском языке. Патриарх Сербский Димитрий сердечно принял их, и, пробыв некоторое время в Белграде, леснянки перебрались в Хопово, где прожили целых двадцать лет. Монастырь Хопово находится вблизи города Сремски Карловцы, где в 1920—1930-е годы располагалась и резиденция Архиерейского Синода Русской Православной Церкви За границей. После гражданской войны в России было много беженцев, которые прибывали в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев тремя волнами иммиграции на протяжении 1919-1920 гг. Сибиневич (см.:

[14, с. 5]) указывает, что общее количество беженцев было 45 000, а Арсеньев (см.: [1, с. 72]) приводит данные о 50 000 русских беженцев. «Великий сербский подвижник и духовный писатель, ставший впоследствии святым, считал эту волну эмиграции *апокалипсисом наших времен*» [9, с. 209]. (Речь идет об уже упоминавшемся Иустине Поповиче.)

Для истории Сербской Церкви было значимым, что благодаря русским сестрам пополнились женские обители, стало обновляться и укрепляться женское монашество. Можно сказать, что маточником для этого процесса стал монастырь Ново-Хопово, где поселилось сестринство Свято-Богородичной Леснинской обители из бывшей Холмско-Варшавской епархии. Их, по данным исследователей, было 80 (см.: [6, с. 30]) и они представляли наглядный пример сочетания образованности и преданной духовности, благородного упорства и жертвенного христовлюбия. В другом источнике написано, что из монастыря Жупка в Бессарабии 60 сестер Леснинского монастыря приехало в Сербию (см.: [11, с. 333, 334]). Первым делом сестер в новом поселении было открытие дома сирот для сербских и русских детей. В Хопово сестры сохранили традицию призрения и православного воспитания сирот, введенную Матушкой Екатериной в самые первые дни существования обители в 1884 году. На чужбине эта традиция стала особенно важной – в Хоповском приюте жили русские дети, потерявшие родителей или брошенные на произвол судьбы. За 20 лет существования приюта в нем было воспитано более 500 детей.

Сербки, которые хотели быть монашками, стали приходить и принимать постриг. В Сербию леснинские сестры принесли и свою Леснинскую икону Божьей Матери, рядом с которой в России по народному преданию произошло пятьсот чудес. После прибытия на Фрушку-Гору, леснинские сестры продолжили соблюдать свой общежительный типик, практиковать богослужебные правила без изменений, расширять в сербской среде свое церковное

ление, развивать просветительно-миссионерское начало. Для такого просветительского начала в Сербии была плодотворная почва. В Сербии образование монахов регулировалось правилами св. Василия, которые предусматривали, что монахи должны подучивать послушников и переписывать рукописи. Необразованные должны были выучить наизусть псалтырь. Послушники должны были читать труды святых отцов и жития святых (см.: [19, с. 443, 444]).

В изучении истории образования и школ у сербов роль монастырей рассматривается неоднозначно. С одной стороны, существует мнение, что просветительская работа исключительно связана с монастырями, а с другой стороны, есть отрицание роли монастыря в просветительской деятельности. Монастыри в Сербии, так же, как и в Византии, в какой-нибудь постройке, относящейся к монастырю, имели и детские приюты (см.: [17, с. 22]). Еще при турецкой власти монастыри стали важной опорой для письменности и просвещения. «В монастырь уходили учиться не только из-за того, что в нем есть школа, а и из-за того, что в нем есть хорошие учителя или магистры» [4, с. 62]. В исследовании о жизнедеятельности тогдашнего сербского патриарха Дмитрия задокументировано, что в Пиротском округе, будучи еще епископом, он удостоверился в большой любви местного населения к школе и образованию: «В любой более-менее большой деревне воздвигнуты строения, в основном рядом с церковью, которые предназначены для школы. Но все здания пустуют, так как нет учителей. Так как эти края находятся на границе, учителя избегают их. Из-за этого многие школы закрыты, а дети прекратили обучаться после первого или второго класса. Поэтому местное население просило помощи у епископа, чтобы он помог, и чтобы их школы продолжили осуществлять свою просветительскую деятельность» [15, с. 86].

Опыт создания новых монастырей по образцу Леснинского был широко использован в Сербии, и усилиями русских мо-

нахинь из Хопово в Сербии возникло большое количество новых обителей, что привело к восстановлению сербского женского монашества, уничтоженного во времена Оттоманской империи. Русские монахини пополняли запустевшие сербские православные обители, восстанавливали или возобновляли там здания, особенно в период 1921—1930 годов. Так было в шумадийском монастыре Волявча, Пречистенском монастыре возле Кичева. В обители Пресвятой Пречистой Богородицы в Дивляне соборное подвижничество передавала своим сестрам игуменья Диодора (Дохторова). Здоровье матушки Екатерины в то время было серьезно подорвано: в годы Первой мировой ей ампутировали ногу, но она продолжала молиться. Спустя несколько лет монастырь Хопово, как когда-то Лесна, стал центром распространения православия не только для Королевства Сербов и Хорватов, но и для русской диаспоры, оказавшейся в Европе. Воспитанницами Хопово было основано или заселено 30 обителей. Двадцать леснинских сестер из Хопово переселились в 1923 году в монастырь Кувеждин и обновили его.

Вопрос развития женского монашества в Сербской Церкви не до конца освещен в сербской периодике и в исследованиях. Митрополит Амфилохий Радович опубликовал исследование, в котором он проанализировал многие аспекты, повлиявшие на женское монашество на протяжении веков (см.: [12, с. 20-23]). В Кувеждине сербские монахини вместе с Игуменьею Меланией (Кривокучин), дочерью священника и вдовой священника из Срема, принявшей постриг в Хопово, сыграли ключевую роль в обновлении и расширении сербского монашества в рамках Сербской православной церкви, развитие которой было прекращено тяжелыми историческими событиями на протяжении пяти веков Оттоманской империи на Балканах. Так и стали возрождаться монастыри на Фрушской Горе, считаемой сегодня одним из сербских Афонов.

Нельзя не отметить и тот факт, что русское монашество того периода оставило

огромный след в трудах знаменитых сербских духовников: Николая Велимировича, Иустина Поповича и Фадея Витовницкого (Томислава Штрбуловича). Иустин Попович был удивлен духовным величием ма-тушки Екатерины, которая обновила монашескую жизнь в Хопово и Кувеждине и написал отдельную статью под названием «О ней – необычной русской среди нас обычных людей» [10, с. 543-547].

Сербский патриарх Дмитрий и Священный Синод 16 октября 1923 году переделали монастырь Кувеждин в женский монастырь. Монахини растили сирот, а с 1929 года сестры из Кувеждина управляли Детским домом, детским садом и «Трапезой для бедняков» церковной общины в Сараево. В соответствии с данными шематизма за 1924 год [см.: 18] в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев существовали женские монастыри: Хопово, Кувеждин, Беровский монастырь, монастырь Св. Ильи в Мирковцах, Брчеоский монастырь возле Вир Пазара в Черногории. Уже «перед Второй мировой войной согласно церковному календарю за 1941 год в рамках Сербской православной церкви насчитывалось 27 женских монастырей с 286 монахинями и 111 послушницами, а Статистический епархиальный обзор за 1969 год насчитывает 81 женский монастырь с 658 монахинями и 187 послушницами» [5, с. 24].

Так благодаря русским сестрам Хопово и Кувеждина открылись и другие женские монастыри сегодняшней Сербии, а «русские монахини и монастыри Хопово и Кувеждин сыграли значительную роль в обновлении женского монашества объединенной Сербской православной церкви после Первой мировой войны» [3, с. 444]. В качестве другого доказательства приведем следующие данные (см.: [15, с. 554, 555]): первый женский монастырь в Нишской епархии основан в 1925 году, когда епископ Досифей принял постриг у русской Диодоры, бывшей послушницы монастыря Хопово. С 1925 по 1941 год в Нишской епархии основано 6 женских монастырей с 45 монахинями и 57 послушницами. Вла-

дыка Николай в то время, когда был епископом Охридско-Битольским, основал Хопово (игуменья Нина и 50 монахинь), Кувеждин (игуменья Мелания, 6 монахинь и 20 послушниц), Беровский монастырь, епархия Злетовско-Струмичская (игуменья Параскева, 11 монахинь и 14 послушниц), монастырь Св. Ильи в Мирковцах, епархия Скопская (игуменья Полексия, 1 монахиня и 1 послушница), Брчеоский монастырь возле Вир Пазара в Черногории (1 монахиня), Дивлянский (игуменья Диодора), Темска (монахиня Мелитина), Покров Пресвятой Богородицы – Мрзеница (монахиня Теофилия), Св. Стефан Липовачский (монахиня Параскева) и Св. Петки возле Ниша (монахиня Параскева) и несколько женских монастырей в сегодняшней Македонии. Епископ Шабачский Михаил в 1928 году основал монастырь Челие с настоятельницей монахиней Аполлинарией (позже игуменья Елена Йокич), воспитанницей монастырей Хопово и Кувеждин, которая до этого была настоятельницей монастыря Поганово в епархии Нишской. В 1930 году открыт в епархии Шабачской монастырь Петковица с русской Игуменьею Сидонией, которая была в сестринстве монастыря Хопово. В сестринстве Петковицы было 12 сестер и 22 русские сестры.

Среди монахинь русского происхождения в сербской среде стоит упомянуть и Игуменью Михаилу из монастыря Лешак епархии Скопской; Игуменью Ангелину (Грачеву) из монастыря Введения Пресвятой Богородицы в Белграде (отошла к Господу в 1971 году); Игуменью Мелитину из монастыря Темска (Нишская епархия), духовную дочь Игуменьи Диодоры. Близка к ним была и вышедшая замуж за русского эмигранта игуменья Петрония (Шпаковская, в девичестве Савич), которая впоследствии стала игуменьею монастыря св. Мелании Римлянки в Петровграде (ныне Зренядине), и чьи нетленные мощи обретенны в 2006 году (Банатская епархия). Также стоит упомянуть и их духовных дочерей сербского происхождения, которые позже стали игуменьями и продолжали распространять

в сербском народе тот тип духовности, который они унаследовали от своих русских наставниц: Ефимию (Мичич), настоятельницу монастыря Ковиль (Бачская епархия) и Раваницы (Браничевская епархия); Игуменью Михаилу из Благовещенского монастыря (Шумадийская епархия), воспитанницу Диодору; игуменью Евпраксию монастыря Каленич (Шумадийская епархия), воспитанницу Кувеждина; игуменью Аполлинарию из Крушедола (Сремская епархия), также воспитанницу Кувеждина; игуменью Девору из монастыря Суводол в Тимочской епархии из кувеждинского сестринства и многих других.

Земное служение игуменьи Екатерины закончилось 15/28 октября 1925 года, она почилла о Господе в окружении своих близких сестер, которых ожидали впереди многие испытания: мировая война, притеснения со стороны хорватских «ушастей» (Хоповский монастырь был сожжен во время войны), изгнание, опасности на пути в Европу, пока они окончательно не обрели приют во Франции. А сама игуменья Екатерина похоронена с южной стороны монастырской церкви Хопово, и ее место захоронения является теперь местом паломничества и сербов, и русских. В настоящее время Леснинский Свято-Богородицкий женский монастырь находится в Провенсе (Нормандия) и является одним из центров русского женского монашества во всем мире. Там обитель расположена с 1968 года. Монастырь, основанный по благословению святых Амвросия Оптинского и Иоанна Кронштадтского, связанный с именами святителей Иоанна Шанхайского и Филарета Нью-Йоркского, в котором сейчас хранится чудотворная икона Божией Матери, продолжает привлекать множество паломников со всех стран.

В истории всей православной церкви и сербского народа останется поистине огромный подвиг игуменьи Екатерины по созданию монастырей в Сербии, которые

отличались от других русских женских монастырей послепетровской эпохи широкой миссионерской и просветительской деятельностью. Об этом подвиге и влиянии русского монашества первой эмиграционной волны на духовную жизнь Сербии защищена в России диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия в 2010 году².

Каждый истинно православный человек уверен в том, что создание, укрепление и сохранение монастыря во всех испытаниях, революциях, мировых войнах и скитаниях по разным странам сделалось возможным только по молитвенной помощи его первой игуменьи. Сестры Леснинской обители не приняли курс Русской Зарубежной Церкви на соединение с Московской патриархией и вошли в Русскую истинную церковь, но это совсем другая история, требующая отдельного исследования.

Время проходит, и среди нас уже нет людей того поколения первых леснинских сестер, но неизменным остался дух отношения к ближним и память о том, что фундаментом основания Леснинской обители была заповедь: «кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий – как служащий».

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: author has no conflict of interests to declare.

Литература

1. Арсеньев, А. Руска интеллигенција у Војводини. Културни, просветни и привредни оквири делатности, Руска емиграција у српској култури XX века: зборник радова. Том 1. Београд, 1994.
2. Арсеньев, А.Б. У излучины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду / Под ред. В.Б. Кудрявцева. М.: Русский путь, 1999. 253 с.

² Иеромонах Дамаскин (Грабеж). Влияние русского монашества первой эмиграционной волны на духовную жизнь в Сербии 20-30 годов XX века. Автореферат дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2010. 15 с. [Электронный ресурс] URL: http://www.bogoslov.ru/data/2010/06/02/1234860554/Avtoreferat_Damaskina.pdf

3. Гатало, А. и Јеремић, Ј. Света српска гора, Монаштво // Фрушка Гора. Београд, 2007.

4. Кашић, Д. Школе и учитељи // Историја школе и образовања код Срба. Београд, 1974.

5. Кончаревић, К. Рускао монаштво у егзилу // Православље. 2007. № 978. С. 22-25.

6. Кончаревић, К. Утицај руске миграције на обнову и развој српске монашке духовности // Српска теологија у двадесетом веку: истраживачки проблеми и резултати. Књ. 7. Београд: Институт за теолошка истраживања, 2010. С. 36-47.

7. Манухина, Т.Н. Георгиевский Митрополит Евлогий. Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского). Париж: YMCA-PRESS, 1947. 679 с.

8. Мрђеновић, Д. Прва српска игуманија после средњег века / монахиња Теодора (Васић). Белград: Издательство Скенер студио, 2016. 112 с.

9. Поповић, Ј. Из апокалипсиса наших дана // Хришћански живот. 1927. VI. № 10-12. С. 209-243.

10. Поповић, Ј. О њој – необичној Рускињи међу нама обичнима // Хришћански живот. 1925. IV. № 12. С. 543-547.

11. Радовић, А., Војиновић, Х. Обнова и развој женског монаштва // Годишњак Српске Православне Цркве 1920-1970: Споменница о 50-годишњици васпостављања српске патријаршије. 1971. С. 333-343.

12. Радовић, Р. Историја српског женског монаштва. Београд: Гласник СПЦ, 1963. С. 20-27.

13. Семёнов, В.И. Идеи С.А. Рачинского как основа создания гуманистических воспитательных систем сельских школ // Гуманистические воспитательные системы вчера и сегодня (в описаниях их авторов и исследователей) / ред.-сост. Е.И. Соколова; под общ. ред. д-ра пед. наук Н.Л. Селивановой. М.: Пед. об-во России, 1998. 336 с.

14. Сибиновић, М. Руска емиграција у српској култури XX века – значај, оквири и перспективе проучавања // Руска емиграција у српској култури XX века: зборник радова, Том 1. Београд, 1994.

15. Средојевић, А. Патријарх српски Димитрије Павловић (1920-1930): Докторска

дисертација. Београд: Филозофски факултет, 2013. 726 с.

16. Суботић, Д. Епископ Николај и православни богомољачки покрет. Београд: Нова Искра, 1996.

17. Ћирковић, С. Учители и училишта, Историја школе и образовања код Срба. Београд: Историјски музеј Србије, 1974.

18. Шематизам источно православне српске патријаршије по подацима из 1924 године. Сремски Карловци: Издање Св. архијерејског синода, 1925.

19. Breje, L. Vizantijska civilizacija. Beograd: Nolit, Biblioteka Književnost i civilizacija, 1976. 550 с.

References

1. Arsenyev, A. (1994), "Russian intelligentsia in Voevodina. Cultural, educational and economical range of activity", *Ruska emigracija u srbskoj kulturi XX veka: zbornik radova* [Russian emigration in Serbian culture of the XX century: collected articles], Vol. 1, Belgrade, Serbia (In Serb.).

2. Arsenyev, A. (1999), *U izluchiny Dunaya: Ocherki zhizni i deyatel'nosti russkih v Novom Sade* [At the Danube Bend: Essays on Life and Activities of Russians in the city of NoviSad], in Kudryavcev, V.B. (ed), *Russkiy put'*, Moscow, Russia (In Russ.).

3. Gatalo, A. and Yeremich, J. (2007), "Holy Serbian mount, Monasticism", *Frushka Gora* [Frushka Mountain], Belgrade, Serbia (In Serb.).

4. Kashich, D. (1974), "Schools and teachers", *Istoriya shkole i obrazovanya u Srbiji* [History of school and education in Serbia], Belgrade, Serbia (In Serb.).

5. Koncharevich, K. (2007), *Rusko monashtvo u egzilu* [Russian monasticism in exile], *Pravoslavlye* (978), 22-25. (In Serb.)

6. Koncharevich, K. (2010), "The effect of Russian migration on restoration and development of Serbian spiritual monasticism", *Srpska teologiya u dvadesiatom veku: istrazhivachki problem I rezultaty* [Proceedings of Serbian theology in the twentieth century: research problems and results], Book 7, Institute of theological research, Belgrade, Serbia, 36-47 (In Serb.).

7. Manukhina, T.N. (1947), *Georgiyevskiy Mitropolit Yevlogiy. Put' moey zhizny. Vospominaniya Mitropolita Yevlogiya*

(Georgiyevskovo) [Metropolitan Yevlogiy of Georgiyevsk. The road of my life. The memories of Metropolitan Yevlogiy (of Georgiyevsk)], YMCA-PRESS, Paris, France (In Russ.).

8. Mrdzenovich, D. (2016), *Prva srpska igumaniya posle srednyeg veka / monahinya Teodora Vasich* [The first Serbian hegumania after the middle ages / nun Theodora Vasich], Skener studio, Belgrade, Serbia (In Serb.).

9. Popovich, Y. (1927), "From the Apocalypsis of our days", *Hrisyanski zhivot* [Christian Life], 6 (10-12), 209-243 (In Serb.).

10. Popovich, Y. (1925), "About an extraordinary Russian woman among us", *Hristyanski zhivot* [Christian Life], 6 (12), 543-547 (In Serb.).

11. Radovich, A. and Voyinovich, H. (1971), "Restoration and development of female monasticism", *The yearbook of Serbian Ortodox Church 1920-1970: memorial on 50th anniversary of restoration of Serbian patriarchy*, 333-343 (In Serb.).

12. Radovich, R. (1963), *Istoriya srpskog zhenskog monashtva* [History of Serbian female monasticism], Glasnik SOC, Belgrade, Serbia (In Serb.).

13. Semenov, V.I. (1998), "Ideas of Rachinsky S.A. as a basis for establishment of a humanistic educational system of village schools", *Gumanisticheskie vospitatel'nye systemy vchera I segodnya (v opisaniyah ih avtorov i issledovateley)* [The humanistic educational system of past and present], in Sokolova, E.I. and Selivanova, N.L. (Ed.), Pedagogical society of Russia, Moscow, Russia (In Russ.).

14. Sibinovich, M. (1994), "Russian emigration in Serbian culture of the XX century – significance, range and prospects of research", *Ruska emigraciya u srpskoj kulturi XX veka* [Russian emigration in Serbian culture of the XX century], Vol. I (In Serb.).

15. Sredoyevich, A. (2013), *Patriyarth srpski Dimitriye Pavlovich (1920-1930)* [Serbian patriarch Dimitri Pavlovich (1920-1930)], PhD thesis, Faculty of Philosophy, Belgrade, Serbia (In Serb.).

16. Subotich, D. (1996), *Episcop Nikolay I pravoslavny bogomol'achki pokret* [Bishop Nikolay and the Ortodox worshipping association], Nova Iskra, Belgrade, Serbia (In Serb.).

17. Chirkovich, S. (1974), *Uchitel'i i uchilishta. Istoriya shkole i obrazovanya kod Srba* [Teacher and schools. History of school and education in Serbia], The Historical Museum of Serbia, Belgrade, Serbia (In Serb.).

18. *Shematizam istochno pravoslavne sprske patriyarshiye po podacima iz 1924. godine* [Organization of eastern Ortodox Serbian patriarchy, according to data from 1924] 1925, Publication of the Holy Synod, Sremski Karlovci, Serbia (In Serb.).

19. Breye, L. (1976), *Vizantiyska civilizatsiya* [Byzantine civilization], Nolit, Library of literature and civilization, Belgrade, Serbia (In Serb.).

ОБ АВТОРЕ:

Маркович Деян Слободанович, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка и литературы, Философский факультет, Нишский государственный университет, ул. Кирилла и Мефодия, д. 2, г. Ниш, 18000, Ресублика Сербия; dejan.markovic@filfak.ni.ac.rs

ABOUT THE AUTHOR:

Dejan S. Markovich, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, University of Nis, 2 Cyril and Methodious st., Nis, 18000, Serbia; dejan.markovic@filfak.ni.ac.rs

УДК 94(47).04

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-2-0-2

Пенской В. В.¹,
Пенская Т. М.²

МОСКОВСКАЯ «НЕДОТИРАНИЯ» РАННЕГО НОВОГО
ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы,
85, г. Белгород, 308015, Россия; penskoy@bsu.edu.ru

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы,
85, г. Белгород, 308015, Россия; penskaya@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья представляет собой размышления над природой «Большого Стереотипа», который рисует Россию раннего Нового времени деспотическим азиатским государством. Авторы приходят к выводу, что данный стереотип основан на некритическом восприятии историками свидетельств западноевропейских путешественников, дипломатов и авантюристов. Обращение к актовым материалам дает совершенно иную картину. Авторы показывают, что в современной западной историографии (и отчасти в российской) сложилась к настоящему времени устойчивое «ревизионистское» течение. Это направление пересматривает прежние негативные оценки московского раннемодерного политического устройства и режима и исходит из того, что политическое и правовое развитие России раннего Нового времени в основе своей не отличается от раннемодерных западноевропейских государств.

Ключевые слова: Позднее Средневековье; раннее Новое время; Европа; Россия; государство; право; централизация; стратегии управления.

V. V. Penskoy¹,
T. M. Penskaya²

THE EARLY MODERN MUSCOVITE "SUB-TYRRANY"
IN MODERN HISTORIOGRAPHY

¹Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
penskoy@bsu.edu.ru

²Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
penskaya@bsu.edu.ru

Abstract. This article is a reflection on the nature of the "Great Stereotype," which depicts Russia in early modern times as a despotic Asian state. The authors come to the conclusion that this stereotype is based on the historians' uncritical perception of the evidence of West European travelers, diplomats and adventurers. The reference to the act materials gives a completely different picture. The authors show that in modern Western historiography (and partly in Russia) there has been a stable "revisionist" current. This direction does not reconsider the previous negative assessments of the Moscow early-political political system and regime, and proceeds from the premise that Russia in the early modern period, in its political and legal development, does not fundamentally differ from early Western European states.

Keywords: Later Middle Ages; early Modern; Europe; Russia; state; law; centralization; strategies of administration.

Чуть больше полутора десятков лет назад писатель и публицист А.Л. Янов, размышляя об историческом пути, пройденном Россией, писал о «Большом стереотипе мировой историографии», который, по его мнению, заключался в том, что «государство Россия вышло из-под ига (ордынского – В.П., Т.П.) деспотическим монстром, наследницей вовсе не европейской Руси, а монгольской Орды». Именно «вековое иго коренным образом изменило цивилизационную природу страны, – продолжал далее А.Л. Янов, характеризуя этот самый «Большой Стереотип», – европейская Русь превратилась в монгольско-византийскую Московию» [28, с. 23].

Итак, согласно Янову, суть пресловутого «Большого Стереотипа», господствующего и в зарубежной, и в российской историографии, заключается в том, что ордынское завоевание коренным образом изменило судьбу Русской земли, своротив ее с европейского пути на путь построения азиатской деспотии и тирании, создания «удушливого» и «тоталитарного» (эпитеты, которые подобрал для его характеристики Н.А. Бердяев) Московского царства. Не вдаваясь в подробности относительно сущности этого историографического «Большого Стереотипа», сама первооснова которого уже вызывает сомнения – Орда и тем более Византия никак не могут претендовать на статус тиранических и деспотических государств, поскольку полагание их таковыми и есть реальный «Большой Стереотип», – посмотрим, какие выводы сделал из его существования А.Л. Янов. В противовес этому «Большому Стереотипу» он

развивает свой. «Начинала свой исторический путь Россия в 1480-е вовсе не как наследница чингисханской империи, – излагал он свою концепцию, – но как обыкновенное североевропейское государство, мало чем отличавшееся от Дании или Швеции, а в политическом смысле куда более прогрессивное, чем Литва или Пруссия».

Эту прогрессивность Янов обуславливал, с одной стороны, тем, что Москва первой в Европе подступила к церковной Реформации. Надо полагать, здесь публицист имеет в виду прежде всего знаменитую дискуссию «нестяжателей» и «иосифлян», хотя, если уж идти таким путем, то можно вспомнить хотя бы движение лоллардов в Англии в конце XIV – начале XV в. и чешское гуситство – чем не первые подступы к Реформации в Европе? С другой стороны, он упоминает о том, что Москва первой попробовала стать конституционной монархией¹. Наконец, А. Янов упоминает о «вполне европейском местном самоуправлении», которое было создано в России в 1550-е гг.

«Таково одно древо фактов, полностью противоречащее старому “канону”», – писал дальше публицист, но «наряду с ним, однако, существует и другое древо, подтверждающее его». Начатки церковной Реформации не получили развития (более того, по мнению Янова, государство в этой борьбе потерпело «сокрушительное поражение»). Точно также заглохли и «конституционалистские» устремления аристократической элиты². Наконец, по мнению А. Янова, «местное самоуправление и суд присяжных погибли в огне самодержавной

¹ Тут не совсем ясно, что имеет в виду А. Янов – крестоцеловальную ли запись, данную Василием Шуйским при вступлении его на престол [см.: 22, с. 299-300] или же проект «конституции», составленный в 1610 г. М.Г. Салтыковым Кривым [см., напр.: 11, с. 180-181].

² И как тут не вспомнить разговор польского шляхтича с москвитом во время Смуты: «В беседах с москвитянами, наши, выхваляя свою вольность, советовали им соединиться с народом польским и также приобрести свободу. Но русские отвечали: “Вам дорога ваша воля, нам неволя. У вас не воля, а своеволие: сильный грабит слабого; может отнять у него имение и самую жизнь. Искать же правосудия, по вашим законам, долго: дело затянется на несколько лет. А с иного и ничего не возьмешь. У нас, напротив того, самый знатный боярин не властен обидеть последнего простолюдина: по первой жалобе, царь творит суд и расправу (выделено нами. – В.П., Т.П.). Если же сам государь поступит неправосудно, его власть: как Бог, он карает и милует. Нам легче перенести обиду от царя, чем от своего

революции Грозного (выделено нами. – В.П., Т.П.)» [28, с. 31].

Мы не случайно выделили именно этот фрагмент в последней фразе А. Янова. Дело в том, что именно с действиями Ивана IV связывает он победу «патерналистской» («с ее провозглашением исключительности России, с государственной идеологией, с мечтой о сверхдержавности и о “мессианском величии и призвании”») политической традиции над традицией европейской («с ее гарантиями свободы, с конституционными ограничениями власти, с политической терпимостью и отрицанием государственного патернализма») [28, с. 31]. Эта победа и стала, по мнению Янова, подлинной трагедией для России и русского общества, а титаническая фигура первого русского царя, этого злого гения русской истории, обретает воистину inferнальные черты. Не Орда и не Византия, а Иван Грозный – вот кто виновник, по мнению А. Янова, в том, что Россия свернула с «европейского» пути.

Любопытно, что А. Янов, выстраивая свою концепцию, в общем-то, не слишком и оригинален. «Следы» этой концепции «Большого Стереотипа» без особого труда можно сыскать в отечественной исторической литературе задолго до того, как вышла в свет его книга. Возьмем, к примеру, в руки изданный в 1991 г. (но заверченный в 1980-м) труд известного отечественного историка А.А. Зимина, признанного специалиста по истории России позднего Средневековья – раннего Нового времени, «Витязь на распутье». Размышляя над проблемой русского исторического выбора, он писал, ссылаясь на мнение Н.Е. Носова, что «в конце XV – первой половине XVI в. в России происходила борьба двух тенденций развития страны». Суть ее заключалась в том, что определялся ответ на вопрос – «по какому пути пойдет Русь: по предбуржуазному, который развивался над Севере, или по крепостническому?». По мнению Зимина, «крепостнической, крестьянской и

монашеской» Москве противостояла северная вольница промысловых людей (солеваров, охотников, рыболовов) и свободных крестьян», населявших галицкие, устюжские и вятские земли. И «гибель свободы Галича повлекла за собой падение Твери и Новгорода, а затем и кровавое зарево опричнины» [8, с. 209-211].

Обратимся к «плодотворной мысли» (по словам А.А. Зимина) Н.Е. Носова, датированной 1969 г. (и на удивление близкой построениям А. Янова). Он писал, что «эпоха Ивана Грозного стоит на перепутье. XV–XVI века, открывающие новый период в истории Западной Европы – эпоху великих географических открытий и становления капитализма, великих реформаций и утверждения абсолютистских монархий, – переломный этап и в истории России», поскольку, по мнению историка, тогда решался вопрос, по какому пути пойдет дальше истории России по пути ли «подновления феодализма «изданием» крепостничества» или же по пути «буржуазного развития, пути для того времени более прогрессивному, а главное менее пагубному для крестьянства», благо признаки пресловутого предбуржуазного пути развития были, как считал исследователь, налицо [17, с. 9-10]. И «Иванова опричнина», по мнению Н.Е. Носова, стала одним из тех факторов, который обусловил поворот в сторону крепостничества и самодержавия [17, с. 10].

Не вдаваясь в подробности «либерального» «дискурса» в русской историографии (прочно утвердившегося в ней во второй половине XIX в. и продолжающего оказывать значительное влияние на развитие отечественной исторической науки и сегодня), отметим, что, несмотря на жесткое следование требованиям этого «дискурса» и обусловленной этими требованиями интерпретации источников, всё же есть на страницах этих работ любопытные наблюдения. Так, например, тот же Н.Е. Носов пишет о непрямолинейности и неоднозначности путей

брата: ибо он владыка всего света” ...» [15, с. 56]. Мотивы, по которым служилые низы не поддерживали верхи, в этом ответе москвитя выражены чуть больше, чем полностью!

исторического развития России в раннем Новом времени, равно как и факторов, их порождавших, и, что особенно интересно, о «странном переплетении “земских” и “приказных” начал в жизни русского общества XVI в.» [17, с. 10, 12]. Так ли уж странно это «переплетение»? И прав ли А. Янов, когда писал о том, что Россия в конце XV в. была обычной североευропейской страной? И если мы обратимся к зарубежной историографии последних лет сорока, то можно сказать, что никакого «странного переплетения» не было и в помине. Напротив, это общеевропейская норма того времени, и Россия раннего Нового времени (а не только конца XV – первой половины XVI в.) действительно не выбивается из общеевропейского (впрочем, только ли общеевропейского, поскольку есть все основания полагать, что и Османская империя во много была схожа в этом плане и со странами Европы, и с Россией) политико-административного и юридического «дискурса».

Но в чем же заключалась суть этого «дискурса»? В вышедшем в 2012 г. исследовании «Преступление и наказание в России раннего Нового времени»³ [36] американский историк-славист Н. Коллманн писала, что «примерно с 1970-х годов (стоит, кстати, обратить внимание на эту дату. – В.П., Т.П.) историки и философы изучают, как возникли раннемодерные государства в Европе (включая и Османскую империю), анализируя стратегии управления, централизации и формирования суверенитета, условно горя с 1500 по 1800 год»⁴. Особое внимание при этом исследователи обращают на то, что историк Дж. Бревер назвал «*sinews of power*» – «жилы» (или, если хотите, «мускулатура») власти, создание, развитие и совершенствование государственной инфраструктуры, государственной машины во всех ее обликах и аспектах. При

этом упор делался и делается не только и не столько на официальные декларации в духе «*L'état c'est moi*» (на ошибочность такого подхода, принятого прежде, указывал, к примеру, Р. Скрибнер [42, р. 103]), сколько на реальное их наполнение, на особенности функционирования административного аппарата и его взаимодействия с обществом.

Конечно, эта работа очень и очень далека от завершения, но уже сейчас можно сделать определенные далеко идущие выводы относительно природы раннемодерных государств, и выводы эти очень сильно отличаются от прежних представлений о них как о пресловутом «Левиафане». «Исследователи Европы раннего Нового времени советуют не преувеличивать силу централизующихся государств», – отмечала в этой связи Н. Коллманн [12, с. 15]. С чем это связано? Здесь стоит вспомнить любопытную мысль, высказанную британским историком Г. Кенигсбергером в 1975 г. Характеризуя особенности складывания политических структур и взаимодействия верховной власти с представительными ассамблеями в раннемодерных государствах Европы, он писал, что по большей части эти политические образования носили «составной» («composite») характер. В этих «композиционных государствах» (или монархиях, «*composite states or monarchies*»), когда под властью одной династии объединялись различные территории, порой отделенные друг от друга не только государственными границами, но и географическими препятствиями – морями, реками, горными хребтами и пр. Эта «композиционность» способствовала тому, что верховная власть не спешила менять исстари заведенные порядки на вновь присоединенных территориях [37, р. 202, 204].

Развивая тезис Г. Кенигсбергера, другой британский историк Дж. Эллиотт отмечал, что в таких государствах верховная

³ Русский его перевод появился в 2016 г. – завидная оперативность, особенно если учесть, что великое множество работ, в особенности ставших классическими, были переведены на русский язык и стали доступны не только в столицах, но и в провинции, лишь в последние годы и много, много лет спустя после того, как они прогремели на Западе.

⁴ Здесь и далее цитаты будут приводиться по этому изданию: [12, с. 15].

власть, стремясь обеспечить эффективную эксплуатацию вновь присоединенных территорий и управление ими, было вынуждено идти на сотрудничество с местными элитами. Такое решение было связано с тем, что жесткий военный контроль стоил слишком дорого и не гарантировал долговременной лояльности местного населения и его влиятельной в политическом, экономическом и культурно-религиозном отношениях верхушки, а без нее было сложно устоять в жестокой борьбе на выживание, характерной для Европы раннего Нового времени, когда размер территории, богатые ресурсы и численность населения играли решающую роль (см., напр.: [23, с. 39-53]). Отсюда и «композитность» административного устройства, когда верховная власть, сохраняя традиционные вольности и свободы на местах, устанавливала здесь минимальный военный контроль и «надстраивала» над традиционными административными структурами свои, одновременно привлекая на свою сторону местные элиты [32, р. 55].

Естественно, что при таких раскладах «централизованность» раннемодерных государств в большей степени относилась к области деклараций, нежели к повседневной политической, административной и правовой реальности. И эта реальная, существующая здесь и сейчас, «недоцентрализованность», проявлявшаяся в самых разнообразных формах – и в политической, и в правовой, и в экономической, и в культурной, – неизбежно вела к тому, что для политико-административной системы раннемодерных «composite states», как писали Дж. Брюер и Э. Хелльмут, «переговоры, а не насилие, являлось ключевым моментом» [40, р. 12].

Переговоры, а не насилие, как ключевой принцип выстраивания отношений между центром и периферией, между верховной властью и местными элитами в раннемодерных государствах – тезис, более чем интригующий. Но вот что любопытно – в Европе раннего Нового времени существовали государства с разной внутренней

организацией. Так, Ч. Тилли выделял государства «национальные», с «фрагментированным суверенитетом» («fragmented sovereignty») и империи, основанные на сборе дани («tribute-taking empires») [23, с. 48]. И когда К. Борки пишет о том, что правители империй были вынуждены «разделять контроль со множеством посредников в лице провинциальных элит, религиозных и местных властных структур и множеством иных привилегированных институтов» [29, р. 10], то как бы сам собой напрашивается вопрос – хорошо, пускай стратегия переговоров и поиска компромиссов между интересами верховной власти и провинциальных элит характерны для многонациональных и поликультурных империй и государств с «фрагментированным суверенитетом». Но ведь есть еще и «национальные» государства – к примеру, считающаяся по традиции родиной «классического» абсолютизма Франция, – страны, которые в своей основе теоретически должны быть прочнее, нежели остальные типы государств, и для этих политических образований данная стратегия, может, и не нужна вовсе?

На этот вопрос есть ответ. Само по себе понятие «национальное государство» применительно к раннемодерным политическим образованиям Европы выглядит явным анахронизмом, сильно папахивающим презентизмом. В определенном смысле «национальное государство» – это продукт более поздних времен (после 1789 г.), результат политической, социальной и культурной инженерии (которая совсем необязательно носила заранее продуманный и спланированный характер), когда верховная власть, нарастив в течение нескольких веков ту самую «мускулатуру», накопив соответствующий административный опыт и «приручив» местные элиты, переходило к «прямому правлению» (термин Ч. Тилли), которое и порождало то привычное для нас государство, тот самый «всепожирающий» «Левиафан» Нового времени (с оговоркой – позднего Нового времени) [23, с. 54-55]. А до этого момента та же Франция, фор-

мально являющаяся «национальным» государством, вовсе не была таковым. Британский историк Н. Хеншелл, характеризуя особенности политического режима во Франции времен благословенного «Ancien Régime», писал, что «до Великой Французской революции “Франция” оставалась понятием географическим», а подданные французского короля вовсе не обладали развитым национальным самосознанием. «Люди были преданы своей семье, – продолжал он, – своему господину, своему городу, своей провинции, своему классу, своей религии или своему королю», а вот «чувство преданности своей стране проявлялось редко». «Без связующей силы национального самосознания, – продолжал свою мысль дальше историк, – административное и правовое единство также отсутствовало» [25, с. 14].

Чем же, в таком случае, являлась «национальное» государство Франция? Да ничем иным, как той самой «лоскутной», «композиционной» монархией, о которой речь шла прежде, де-факто мало чем отличающейся от «даннических» империй и государств с «фрагментированным суверенитетом» Ч. Тилли. Л. Кэрролл так и писал: «Франция была составным политическим образованием, государством, собранным на скорую руку из территорий с характерными, только им присущими особенностями» [31, р. 331]. Существование и единство Франции поддерживались сложной системой компромиссов и взаимозависимостей между верховной властью и местными элитами, политическими и экономическими. Корона в буквальном смысле покупала лояльность элит – и через продажу должностей, и через активное задействование патронажа и привлечения наиболее влиятельных представителей провинциальной аристократии и нобилитета ко двору и на должности в королевской администрации и армии, и через сохранение местных обычаев (в том числе и правовых), традиций и влияния провинциальных «сильных» семейств (см., напр.: [18; 25, с. 48-50, 57-62, 101-105; 27]).

Французский случай вовсе не был исключением, подтверждающим общее правило. В своем небольшом исследовании, посвященном особенностям формирования системы государственного управления в Вюртемберге в эпоху раннего Нового времени, Ш. Огилви указывала на ту значительную роль, которую играли в этом процессе местные сообщества и корпорации – гильдии, городские и сельские «миры». Испытывая давление сверху, со стороны имперских властей, и столкнувшись с корпоративной сплоченностью на местах (которая усиливалась всякого рода неформальными связями), формирующаяся вюртембергская бюрократия была вынуждена идти на сотрудничество с этими корпорациями, принимая в расчет их корпоративный интерес и привилегии [40, р. 200-201]. Стоит отметить, что в вюртембергском случае «композиционность» только усиливалась за счет добавления к уже имеющимся двум уровням администрирования еще и третьего, имперского.

Итак, подведем предварительные итоги. В современной западной историографии к настоящему времени сложился и успешно развивается «дискурс», который рассматривает раннемодерные государства как политические образования, достаточно рыхлые и явно «недоцентрализованные». Верховная власть, сосредоточившись на решении важнейших проблем, связанных прежде всего с внешней политикой, войной и финансами (без которых была невозможна успешная реализация внешнеполитических задач как посредством дипломатии, так и применением «последнего довода королей», стоимость которого в результате «пороховой» военной революции резко увеличилась), в условиях, когда государственная машина, унаследованная от Средневековья, была еще примитивна, а «мускулатура» власти не «накачана» в должной степени, искала выход в разработке разнообразных стратегий, гарантировавших ей лояльность провинциальных элит и местных сообществ. В основе этих стратегий так или иначе лежал поиск компромисса и налаживание сотрудничества

между верховной властью и теми силами на местах, которые способны были поддерживать порядок и предоставление верховной власти необходимых ей ресурсов. За эту лояльность и содействие корона расплачивалась с провинциальной аристократией и нобилитетом предоставлением всевозможных материальных и нематериальных благ и привилегий, связанных с исполнением обязанностей при дворе верховного суверена, его администрации и его армии, а также сохранением старинных свобод, традиций и обычаев. И, что немаловажно, исследования последних десятилетий наглядно показывают, что между официальными декларациями и повседневной административной и судебной практикой в раннемодерных государствах лежала большая дистанция. Например, в том же судопроизводстве различные неформальные практики, основанные на патронаже, посредничестве, арбитраже и иных подобных вещах, основанных на обычае и традиции, играли порой большую роль, нежели закон (который зачастую использовался для того, чтобы придать некий флер легитимности привычным способам решения споров) (см., напр.: [30, р. 113]). До настоящей централизованности «композитным» монархиям раннего Нового времени было еще очень и очень далеко.

Как же обстояло дело с Русским государством в эпоху позднего Средневековья – раннего Нового времени? Н. Коллманн в уже упомянутом нами прежде исследовании отмечала, что «в последнее время европейская, американская и российская историография права и управления в России раннего Нового времени одновременно воспроизводит и оспаривает старые стереотипы» [12, с. 22-23]. Примером тому может служить дискуссия 2002 г. на страницах журнала «Критика: Разыскания в русской и евразийской истории» (см.: [33; 35; 25; 39; 41]). Эту ситуацию другой американский русист, В. Кивельсон, сравнила со своеоб-

разным маятником, на одном полюсе которого находятся «традиционалисты», воспроизводящие «Большой Стереотип» и его производные, а на другом – «ревизионисты» («гарвардской школы»), подвергающие критике «старую школу» за ее некритичное восприятие свидетельств европейских дипломатов, купцов и авантюристов, побывавших в Московии XVI–XVII вв. [34, р. 465-466].

Описанный «маятник» работает и в России. Так, в 1991 г. в предисловии к биографии Ивана III, написанной Ю.Г. Алексеевым, академик Н.Н. Покровский⁵ писал, что «власть эта (Ивана II – В.П., Т.П.) была не так уж и сильна, что местные особенности и различия очень долго давали себя знать в едином государстве... Система власти базировалась не на единственном понятии "государство", а на двух понятиях – "государство" и "общество", на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними... Центральная государственная власть того времени не была в состоянии доходить до каждой отдельной личности; исполняя свои функции, она должна была опираться на эти первичные социальные общности (крестьянские и городские общины, дворянские корпорации-«города» и пр. – В.П., Т.П.). Но это автоматически означало серьезные права таких организаций, их немалую роль в политической системе всей страны...» (см.: [1, с. 5-6]).

Согласитесь, любопытное мнение, радикально различающееся с процитированными выше отрывками из работ А.А. Зимина и Н.Е. Носова. Казалось бы, стоит порадоваться за отечественную историческую науку, которая начала изживать мало-помалу «Большой Стереотип», но не тут-то было – в том же 91-ом году выходит сборник «История Отечества: люди, идеи, решения», где можно прочитать, к примеру, такой пассаж: «Опыт Великого княжества Литовского и Русского показывает, что на восточнославянских землях было возможно создание не только *азиатской деспотии*

⁵ Автор ряда интересных работ о взаимодействии верховной власти и «земли» в допетровской России. См., например, [20].

Ивана Грозного⁶, но и достаточно эффективное функционирование *демократических институтов* (sic! – В.П., Т.П.) многонационального государства». Перенос же этого опыта на всю Русскую землю мог бы дать ей «иные формы государственного устройства (вместо самодержавия – сословное представительство, сохранение региональных особенностей в течение более длительного времени), свержение ордынского ига раньше, чем это произошло в действительности, выход к Балтике за три-четыре века до Петра I (т.е. в начале XIV в.? – В.П., Т.П.), более смелое включение в местную культуру западноевропейских элементов, решительное восстановление разорванных ордынским нашествием связей с Западной Европой» и пр. [6, с. 123-124]. Там же, в этом сборнике, можно прочитать и про «диктаторский режим» Ивана Грозного, «сцементированный лишь террором и демагогией» [10, с. 161, 162], и ряд других, не менее любопытных суждений в том же духе.

Другой, не менее характерный пример – заочный обмен мнениями на страницах журнала «Родина» между А.Л. Хорошкевич и А.А. Смирновым (см.: [21; 26]). И что любопытно – если А.Л. Хорошкевич, крупный специалист по истории России времен позднего Средневековья – раннего Нового времени, в своих суждения о Русском государстве московского периода и его сущности ни на йоту не отклоняется от постулатов «Большого Стереотипа» (и А.Л. Янов по сравнению с ней выглядит новатором), то А.А. Смирнов, напротив, попытался осмыслить происхождение Русского государства и особенности его политической системы и политического режима, исходя из объективных обстоятельств, прежде всего постоянной военной угрозы. И в его аргументации без особого труда можно найти параллели с построениями «гарвардской школы», Ч. Тилли и ряда других за-

падных историков-«ревизионистов», не говоря уже о том, что, к примеру, в вопросе о местном самоуправлении его позиции совпадают с мнением Н.Н. Покровского.

Что обращает на себя внимание во всех этих качаниях маятника в современной российской историографии, так это отсутствие попыток глубокого теоретического осмысления проблемы. Каким было раннемодерное Русское государство, как работал его государственный аппарат, судебная система, местное управление, насколько были развиты пресловутые «*sinews of power*», какими были пределы царской власти и насколько официальные декларации совпадали с реальной действительностью (отметим, кстати, что знаменитая фраза Ивана Грозного из послания к князю Андрею Курбскому, «а жаловати есмь своих холопей вольны, а и казнити вольны же» [19, с. 30], есть ничто иное, как парафраз положения из докончанья 1427 г. тверского великого князя Бориса Александровича с великим князем литовским Витовтом – «А дядям моим, и братьи моеи, и племени моему, князем, быти в моем послуше. Юз, князь велик Борис Александрович, волен, кого жалую, кого казню, а моему госуодину, деду, великому князю Витовту, не вступатися...» [5, с. 62])?

На эти вопросы в нашей современной историографии практически нет ответов – лишь несколько авторов поднимают эти проблемы, и отечественная историческая наука находится фактически лишь в начале пути. Так М.М. Кром, исследуя особенности складывания и функционирования московской «бюрократии» в предприказную эпоху, приходит к любопытному выводу: «Административно-хозяйственная сфера обладала определенной долей автономии по отношению к носителю верховной власти и придворной элите». Эта автономия, по мнению исследователя, объясняет, по-

⁶ Выделено нами. Между прочим, Н. Коллманн отмечала в своем историографическом обзоре, что первые серьезные работы, подрывавшие «Большой Стереотип», появились еще в начале 60-х гг. минувшего столетия [12, с. 23].

чему «корабль» государственного управления не пошел ко дну во время «дворцовых бурь», бушевавших в 30–40-е гг. XVI вв. И вывод, который он делает в результате своего исследования – «Дальнейший прогресс в исследовании политической истории России возможен также, на мой взгляд, на путях исследования разнообразных *практик* властвования (курсив М.М. Крома. – В.П., Т.П.), административных будней...» [13, с. 617] (см. также: [14]). Любопытные и неординарные выводы об особенностях взаимоотношений между верховной властью и местным самоуправлением следуют из последних работ историков В.А. Аракчева и В.В. Бовыкина (см., напр.: [3; 4]).

Самое место вспомнить здесь фразу М.М. Крома из предисловия к русскому переводу исследования американского русиста В. Кивельсон «Картография царства: земля и ее значение в России XVII века». Историк тогда писал, что «к концу 80-х годов XX века в США сформировалось направление, родственное исторической антропологии, – новая культурная история». В рамках этого нового «дискурса» в исследованиях по русской истории фокус внимания «сместился с изучения политических институтов, войны, дипломатии, государственного управления на различные аспекты истории культуры», что позволило иначе взглянуть на сюжеты, связанные с развитием политических, административных, дипломатических, военных и иных аналогичных практик Русского государства раннего Нового времени. Развивая свою мысль дальше, М.М. Кром указывал, что «в книге «Самодержавие в провинциях» Кивельсон подвергла ревизии привычный образ Московского царства как деспотического государства, властитель которого как рабами правил своими бесправными подданными». Суть предложенной в 1996 г. американским историком новой концепции московской раннемодерной монархии заключалась в том, что последняя, «*подобно другим европейским государствам начала Нового времени, нуждалась в поддержке и содействии различных групп населения* (выделено нами. – В.П., Т.П.), находивших в

рамках существующей правовой и политической системы возможности для защиты своих прав и интересов...» [9, с. 9, 10].

Итак, В. Кивельсон и ряд других зарубежных исследователей (прежде всего Н. Коллманн) в противовес «консерваторам»-сторонникам «Большого Стереотипа» выдвинули концепцию, согласно которой раннемодерная Россия находится в одном ряду с другими раннемодерными же государствами Европы (и Османской империей), управление которыми строится на взаимодействии между верховной властью и местными сообществами. Это мнение завоевало довольно устойчивые позиции в западной историографии, правда, в свете последних событий есть все основания полагать, что «маятник» откатнется назад и противники «гарвардской школы» обретут перевес в многолетней дискуссии. И эта концепция постепенно пробивает дорогу и в российское историческое пространство.

Такой подход представляется более взвешенным и обоснованным, нежели рассуждения о «диктатуре страха», столь распространенные прежде. В самом деле, пресловутая «диктатура страха» предполагает наличие у верховной власти соответствующей «мускулатуры», посредством которой она смогла бы держать под контролем и элиту, и местные сообщества-корпорации, принуждая их выполнять свои требования. Но вся проблема как раз в том и заключается, что такой «мускулатуры» у московских государей не было и в помине, и быть не могло по определению в силу разных как объективных, так и субъективных причин. Достаточно сказать, что Россия раннего Нового времени – это бедная аграрная страна с редким, рассеянным по огромной территории населением, примитивной малоэффективной экономикой, неразвитой инфраструктурой, традиционной культурой с отсутствующей в ней развитой письменной традицией. Британский исследователь С. Франклин отмечал в этой связи, что в средневековой Руси «письменность была мощным средством в ходе общественной и культурной интеграции, но в реализации

функций светской власти и в ее консолидации это средство действовало лишь в ограниченных масштабах». По мнению ученого, недостаточная институционализация письменной традиции (по сравнению с Западом) «указывает на устойчивость традиционных социальных отношений, на осознанную обществом функциональную адекватность традиционных способов поведения без участия письменности, на самодостаточность традиции» [24, с. 476, 480]. Здесь, кстати, стоит упомянуть любопытную концепцию диглоссии русского средневекового права В.М. Живова (см.: [7]). И возникает вопрос – не с этими ли особенностями русской письменной культуры связана в том числе, поскольку мы исходим из того, что на формирование и развитие того или иного исторического феномена влияет множество причин и факторов, и отмеченная М.М. Кромом мизерная (на фоне той же Франции) «производительность» московской приказной бюрократии [13, с. 374-375].

Эта явная недостаточность ресурсов, которые находились в руках верховной власти, неизбежно вела к ситуации, когда решение вопросов, находящихся в компетенции верховной власти («дела государева», прежде всего дипломатии, войны и финансов), было невозможно без содействия ей со стороны «земли», «мира», тех самых местных сообществ, организованных не без участия верховной власти. На практике же это означало, с одной стороны, необходимость искать компромиссы (что неизбежно вело, как уже было показано выше, к «недоцентрализации» и сохранению местных традиций, обычаев и «свобод» – и на это есть прямые указания в актовых материалах конца XV–XVI вв.) между интересами верховной власти и местных элит, а с другой – формировало особые отношения между «землей» и верховной властью, основанные на своего рода «партнерстве» и сотрудничестве. Осмелимся при этом высказать предположение, что пресловутые «реформы» так называемой «Избранной Рады» Ивана Грозного (оценка которых, исходя из новых концепций, давно уже назрела) как раз и были

нацелены на то, что конституировать и придать необходимый «флер» легитимности этой системе. И, следовательно, если уж и вести речь о «революции» Ивана Грозного, то уж совершенно точно не о «самодержавной», но о «земской». Поворот же от «земско-самодержавной» монархии к монархии «самодержавно-бюрократической» [16, с. 16], наметившись во 2-й половине XVII в., был в целом завершен уже в следующем столетии, и петровские преобразования стали важнейшим, переломным моментом в этой истории.

Если принять во внимание оригинальную концепцию В. Либермана об «открытых» и «закрытых» обществах (а Русская земля явно относилась к «открытым» внешним, по большей части враждебным, влияниям со стороны той же Великой Степи) [см.: 38], то трудно не согласиться с мнением Ю.Г. Алексеева, который выдвинул интересную и на наш взгляд, весьма перспективную идею о Русском государстве как государстве «земско-служилом». «Реальной основой этого государства, – писал историк, – явились служилые отношения и общинные институты, пронизывающие весь строй жизни России. Вопреки мнению, долгое время господствовавшему в нашей историографии, Русское государство не знало “закрепощения сословий”. Обязанность государственной службы, т.е. службы Отечеству, воплощаемому в лице государя всея Руси, вытекала из всего бытия Русского государства и определялась, с одной стороны, объективной необходимостью иметь сильное, дееспособное государство, способное отстоять независимость и целостность России, с другой же стороны – патернализмом как основной формой отношений между главой государства и его подданными. Средневековый патернализм не укладывается в категории политического и юридического мышления XIX–XX вв. с его повышенным рационализмом и формализмом... В силу патерналистского характера политического сознания в России не было и не могло быть договорных отношений между отцом и сыном в православной семье. Отсутствие договорных отношений

было не проявлением “бесправия”, “восточного деспотизма”, а высшей степенью доверия между властью и народом – тем морально-политическим единством, которое обусловило сохранение Россией ее государственного единства, независимости и самого ее существования...» [2, с. 431-433].

Подведем итоги. Традиционная концепция, тот самый «Большой Стереотип», рассматривающая Русское государство эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени как азиатскую деспотию, основанную на тотальном бесправии и абсолютном самовластии, сегодня отнюдь не является безусловно доминирующей (во всяком случае, в современной западной историографии, а к ней постепенно начинает подтягиваться и отечественная). Ее существенно потеснил иной взгляд на сущность московской государственности и московского политического режима. «Большой Стереотип» основан преимущественно на некритическом восприятии весьма и весьма субъективного образа Русского государства и русских (своего рода «черная легенда»), который создавался в западноевропейском общественном сознании примерно со второй четверти XVI в., когда стало очевидным, что Московия не намерена «встраиваться» в формирующуюся систему политических и экономических отношений и намерена вести самостоятельную политику в собственных интересах. Тогда и складывается образ России и русских как «Другого».

Формированию этого образа и соответствующего «шлейфа» способствовала и закрытость русского общества, языковой и культурный (и религиозный как его немаловажная часть – не стоит забывать, что большая часть XVI и немалая следующего века прошли под знаменем ожесточенной борьбы Реформации и Контрреформации) барьеры, отнюдь не способствовавшие взаимопониманию. Не допущенные к русской внутриполитической «кухне» европейцы, побывавшие в России раннего Нового времени, не сумели разобраться (а по большей части особо и не стремились) в особенностях политического режима и устройства

Русского государства и общества и принимали московские официальные политические декларации за чистую монету (тем более, что они соответствовали образу России как «азиатского» общества). Однако если обратиться не к нарративным источникам, но к актовым материалам (что и было сделано «ревизионистами»), и вывести за скобки положения «Большого Стереотипа», занявшись анализом особенностей московской административной и правовой «повседневности», то выстраиваемая реальность существенно с ним расходится. Безусловно, особенности геополитического, географического положения Русского государства, его формирования и последующего развития, наложили свой отпечаток на характер его политических, административных и правовых институтов, не говоря уже о прочих, однако при всех видимых внешних отличиях Россия раннего Нового времени в общем и в целом не выбивается из общего «тренда», определявшего развитие раннемодерных государств. Форма отнюдь не определяет содержание.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflict of interests: the authors have no conflict of interests to declare.

Литература

1. Алексеев, Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск: Наука, 1991. 240 с.
2. Алексеев, Ю.Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 448 с.
3. Аракчеев, В.А. Власть и «земля». Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. М.: Древлехранилище, 2014. 512 с.
4. Бовыкин, В.В. Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 421 с.
5. Докончанье великого князя тверского Бориса Александровича с великим князем литовским Витовтом // Духовные и договорные

грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 62-63.

6. Думин, С.В. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. М.: Издательство политической литературы, 1991. С. 76-126.

7. Живов, В.М. История русского права как лингвосомиотическая проблема // В.М. Живов Разыскания в области истории и предисории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 187-290.

8. Зимин, А.А. Витязь на распутье: Феодалная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. 286 с.

9. Кивельсон, В. Картографии царства: земля и ее значение в России XVII века. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 360 с.

10. Кобрин, В.Б. Иван Грозный: Избранная Рада или опричина? // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. М.: Изд-во политической литературы, 1991. С. 127-162.

11. Кобрин, В.Б. Смутное время – утраченные возможности // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. М.: Изд-во политической литературы, 1991. С. 163-185

12. Коллманн, Н. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 616 с.

13. Кром, М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30-40-х годов XVI века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 888 с.

14. Кром, М.М. К пониманию московской «политики» XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // Одиссей.: Человек в истории. Время и пространство праздника. 2005. М.: Наука, 2005. С. 283-303.

15. Маскевич, С. Дневник Маскевича 1594-1621 // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Т. 1. СПб. 1859. С. 13-124.

16. Мельгунов, С.П. Церковь и государство в России (к вопросу о свободе совести). М.: Изд-во Тов. И.Д. Сытина, 1907. 196 с.

17. Носов, Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России.

Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л.: Наука, 1969. 602 с.

18. Пек, Л. «Для короля не проявлять щедрость было бы ошибкой»: взгляд на патронаж при дворе первых Стюартов в Англии // Патрон-клиентские отношения в истории и современности. М.: РОССПЭН, 2016. С. 149-184.

19. Первое послание Курбскому // Послания Ивана Грозного. СПб.: Наука, 2005. С. 9-71.

20. Покровский, Н.Н. Томск 1648-1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск: Наука, 1989. 388 с.

21. Смирнов, А.А. Государство сражающейся нации // Родина. 1994. № 9. С. 34-38.

22. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел. Часть 2. М.: Тип. Селивановского, 1819. 636 с.

23. Тилли, Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990-1992 гг. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. 328 с.

24. Франклин, С. Письменность, общество и культура в Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 552 с.

25. Хеншелл, Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб.: Алетейя, 2003. 272 с.

26. Хорошкевич, А.Л. Государство всея Руси // Родина. 1994. № 5. С. 20-26.

27. Элиас, Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история. М.: Языки славянской культуры, 2002. 368 с.

28. Янов, А.Л. Россия: У истоков трагедии. 1462-11584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 559 с.

29. Barkey, K. Empire of Difference. The Ottomans in Comparative Perspective. Cambridge: Cambridge University Press. 2008. 342 p.

30. Breen, M. Patronage, Politics, and the "Rule of Law" in Early Modern France // Proceedings of the Western Society for French History. 2005. Vol. 33. P. 95-113.

31. Carroll, S. *Blood and Violence in Early Modern France*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 369 p.

32. Elliott, J.H. *A Europe of Composite Monarchies* // *Past & Present*. 1992. No. 137. The Cultural and Political Construction of Europe. P. 48-71.

33. Halperin, C.J. *Muscovy as a Hyper-trophic State: A Critique* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, Vol. 3, No. 3, Summer 2002 (New Series). P. 501-507.

34. Kivelson, V. *Muscovite "Citizenship": Rights without Freedom* // *The Journal of Modern History*, Vol. 74, No. 3 (September 2002). P. 465-489.

35. Kivelson, V. *On Words, Sources, and Historical Method: Which Truth about Muscovy?* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, Vol. 3, No. 3, Summer 2002 (New Series). P. 487-499.

36. Kollmann, N.S. *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Cambridge, Cambridge University Press, 2012. 504 p.

37. Koenigsberger, H.G. *Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe* *Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale* // *Theory and Society*. 1978. Vol. 5. 2. P. 191-217.

38. Lieberman, V. *Strange Parallels. South-east Asia in Global Context, c. 800–1830*. Volume 2: *Mainland Mirrors: Europe, Japan, China, South Asia, and the Islands*. Oxford: Oxford University Press, 2009. 947 p.

39. Poe, M. *The Truth about Muscovy* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2002. Vol. 3, Number 3 (New Series). P. 473-486.

40. *Rethinking Leviathan: The Eighteenth-century State in Britain and Germany*. Eds. J. Brever and E. Hellmuth. London-Oxford: Oxford University Press, 1999. 428 p.

41. Rustemeyer, A. *Systems and Senses: New Research on Muscovy and the Historiography on Early Modern Europe* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, Vol. 11, Number 3, Summer 2010 (New Series). P. 563-579.

42. Scribner, R.W. *Police and the Territorial State in Sixteenth-Century Württemberg* // *Politics and Society in Reformation Europe*. Eds. Elton, G., Kouri, E., Scott, T. London: Palgrave MacMillan, 1987. XIX. P. 103-120.

References

1. Alekseev, Yu. G. (1991), *Gosudar' vseja Rusi* [The Emperor of All Russia], Nauka, Novosibirsk, Russia (in Russ.).

2. Alekseev, Yu. G. (2001), *Sudebnik Ivana III. Tradiciya i reforma* [The Court Book by Ivan III. Tradition and Reform], Dmitriy Bulanin, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

3. Arakcheev, V. A. (2014), *Vlast' i "zemlya". Pravitel'stvennaya politika v otnoshenii tyaglyh sosloviy v Rossii vtoroy poloviny XVI – nachala XVII veka* [The power and "ground". Government policy in respect of taxpaying estates in Russia in the second half of the 16th – early 17th century], Drevlehranilishche, Moscow, Russia (in Russ.).

4. Bovykin, V. V. (2012), *Mestnoe samoupravlenie v Russkom gosudarstve XVI veka* [Local government in the Russian state in the XVI century], Dmitriy Bulanin, Saint Petersburg, Russia.

5. "Dokonchanie of Grand Duke Boris Alexandrovich of Tver with Grand Duke Vitovt of Lithuania" (1950), *Duhovnie i dogovornye gramoty velikih udel'nykh knyazey XIV–XVI vv.* [Spiritual and Treaty ratification and the Great Princes, the 14-16th centuries], Nauka Publishers, Moscow-Leningrad, USSR, 62-63 (in Russ.).

6. Dumin, S. V. (1991), "Another Rus (the Great principedom Lithuanian and Russian)" (in Russ.), *Istoriya Otechestva: lyudi, idei, reshebiya. Ocherki istorii Rossii IX – nachala XX v.* [The history of the Fatherland: people, ideas, solutions. Sketches of history of Russia of the 9-20th centuries], Izdatel'stvo politicheskoy literatury, Moscow, Russia, 76-126.

7. Zhivov, V. M. (2002), "The History of Russian law as a linguistic and semiotic issue" (in Russ.), *Raziskaniya v oblasti istorii i predis-torii russkoy kul'tury* [Searches in the field of history and prehistory of Russian culture], LRC Publishing House, Moscow, Russia, 187-290.

8. Zimin, A. A. (1991), *Vityaz' na rasput'e* [Knight at the crossroads], Mysl', Moscow, Russia (in Russ.).

9. Kivelson, V. (2012), *Kartografiya carstva: zemlya i ee znachenie v Rossii XVII veka* [Cartography of the Kingdom: the land and its value in Russia of the 17th century], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

10. Kobrin, V. B. (1991), "Ivan the Terrible: The Chosen council or oprichnina?" (in Russ.), *Istoriya Otechestva: lyudi, idei, reshebiya. Ocherki istorii Rossii IX – nachala XX v.* [The history of the Fatherland: people, ideas, solutions. Sketches of history of Russia of the 9-20th centuries], Izdatel'stvo politicheskoy literatury, Moscow, Russia, 127-162.
11. Kobrin, V. B. (1991), "The time of troubles – lost opportunities" (in Russ.), *Istoriya Otechestva: lyudi, idei, reshebiya. Ocherki istorii Rossii IX – nachala XX v.* [The history of the Fatherland: people, ideas, solutions. Sketches of history of Russia of the 9-20th centuries], Izdatel'stvo politicheskoy literatury, Moscow, Russia, 163-185.
12. Kollmann, N. (2016), *Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni* [Crime and punishment in Russia of the Early Modern Time], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
13. Krom, M. M. (2010), *"Vdovstvuyuschee carstvo": politicheskij krizis v Rossii 30-40-h godov XVI veka* ["Widowhood Kingdom": the political crisis in Russia in the 30-40-ies of the 16th century], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).
14. Krom, M. M. (2005), "To an understanding of Moscow's "policy" of the 16th century: discourse and practice of late medieval Russian monarchy" (in Russ.), *Odissey: Chelovtk v istorii. Vrevya i prostranstvo praktiki*, Nauka Publishers, Moscow, Russia, 283-303.
15. Maskevich, S. (1859), "Maskevich's Diary 1594-1621", *Skazaniya sovremennikov o Dmitrii Samozvance* [Tales of contemporaries of Dmitri the Impostor] (in Russ.), Saint Petersburg, Russia, Vol. 1, 13-124.
16. Melgunov, S. P. (1907), *Cerkov' i gosudarstvo v Rossii (k voprosu o svobode sovesti)* [Church and state in Russia (on freedom of conscience)], Izd-vo Tov. I.D. Sytina. (in Russ.).
17. Nosov, N. E. (1969), *Stanovlene soslovno-predstavitel'skih uchrezhdeniy v Rossii. Izyskaniya o zemskoy reforme Ivana Groznogo* [Formation of class-representative institutions in Russia. Research on the Zemsky reform of Ivan the Terrible], Nauka, Leningrad, Russia. (in Russ.).
18. Peck, L. (2016), "For the king not to be generous would be a mistake": a look at patronage in the court of the first stewards in England" (in Russ.), *Patron-klientskie otnosheniya v istorii i sovremennosti* [Patron-client relations in history and modern times], ROSSPEN, Moscow, Russia, 149-184.
19. The first message to Kurbskiy (2005), *Poslaniya Ivana Groznogo* [The Messages of Ivan the Terrible], Nauka Publishers, Moscow, Russia, 9-71. (in Russ.).
20. Pokrovsky, N. N. (1989), *Tomsk 1648-1649 gg. Voevodskaya chast' i zemskie miry* [Tomsk in 1648-1649. The provincial government and provincial worlds], Nauka, Novosibirsk, Russia. (in Russ.).
21. Smirnov, A. A. (1994), "The State of the fighting nation" (in Russ.), *Rodina*, 9, 34-38.
22. *Sobranie gosudarstvennyh gramot i dogovorov, hranyaschihsya v Gosudarstvennoy Kollegii inostrannyh del. Chast' 2-ya* [Collection of state certificates and contracts stored in The State College of Foreign Affairs. Part 2] (1819), Tip. Selivanovskogo, Moscow, Russia (in Russ.).
23. Tilly, Ch. (2009), *Prinuzhdenie, capital i evropeiskie gosudarstva 990-1992 gg.* [Coercion, Capital, and European States, AD 990-1992], Translated by Menskaya, T., Publishing House "Territoriya buduschego", Moscow, Russia (in Russ.).
24. Franklin, S. (2010), *Pismennost', obshchestvo i kul'tura v Drevney Rusi* [Writing, society and culture in Ancient Rus], Translated by Bulanin, D, Dmitriy Bulanin, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).
25. Henshall, N. (2003), *Mif absolutizma. Peremeny i preemstvennost' v razvitii zapadnoevropeyskoy monarhii Novogo vremeni* [The Myth of Absolutism: Change and Continuity in Early Modern European Monarchy], Translated by Palamarchuk, A., Alteya, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).
26. Horoshkevich, A. L. (1994), "The State of all Rus" (in Russ.), *Rodina* [Motherland], 5, 20-26.
27. Elias, N. (2002), *Pridvornoe obshchestvo: Issledovaniya po sotsiologii korolya i pridvornoy aristokratii* [Court society: Studies in

the sociology of the king and the court aristocracy], LRC Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

28. Yanov, A. L. (2001), *Rossiia: u istokov tragedii. 1462-1584. Zametki o prirode proishozhdeniya russkoj gosudarstvennosti* [Russia: at the origins of the tragedy. 1462-1584. Notes on the nature of the origin of the Russian statehood], Progress-Tradiciya, Moscow, Russia (in Russ.).

29. Barkey, K. (2008), *Empire of Difference. The Ottomans in Comparative Perspective*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

30. Breen, M. (2005), "Patronage, Politics, and the "Rule of Law" in Early Modern France", *Proceedings of the Western Society for French History*, Vol. 33, 95-113.

31. Carroll, S. (2006), *Blood and Violence in Early Modern France*. Oxford University Press, Oxford, UK.

32. Elliott, J. H. (1992), "A Europe of Composite Monarchies", *Past & Present*, 137 (The Cultural and Political Construction of Europe), 48-71.

33. Halperin, C. J. (2002), "Muscovy as a Hypertrophic State: A Critique", *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, Vol. 3, 3, 501-507.

34. Kivelson, V. (2002), "Muscovite "Citizenship": Rights without Freedom", *The Journal of Modern History*, Vol. 74, 3, 465-489.

35. Kivelson, V. (2002), "On Words, Sources, and Historical Method: Which Truth about Muscovy?", *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, Vol. 3, 3, 487-499.

36. Kollmann, N. S. (2012), *Crime and Punishment in Early Modern Russia*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

37. Koenigsberger, H. G. (1978), "Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale", *Theory and Society*, Vol. 5, 2, 191-217.

38. Lieberman, V. (2009), *Strange Parallels. Southeast Asia in Global Context, c. 800-1830*, Vol. 2: Mainland Mirrors: Europe, Japan, China, South Asia, and the Islands, Oxford University Press, Oxford, UK.

39. Poe, M. (2002), "The Truth about Muscovy", *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, Vol. 3, 3, 473-486.

40. "The German State: a Non-Prussian View" (1999), *Rethinking Leviathan: The Eighteenth-century State in Britain and Germany*, in Brever, J. and Hellmuth, E. (ed), Oxford University Press, London-Oxford, UK.

41. Rustemeyer, A. (2010), "Systems and Senses: New Research on Muscovy and the Historiography on Early Modern Europe", *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, Vol. 11, 3, 563-579.

42. Scribner, R. W. (1987), "Police and the Territorial State in Sixteenth-Century Württemberg", *Politics and Society in Reformation Europe*, in Elton, G., Kouri, E., Scott, T. (ed), Palgrave MacMillan, London, UK, 103-120.

ОБ АВТОРАХ:

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор, кафедра теории и истории государства и права, Юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskoy@bsu.edu.ru

Пенская Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра философии и теологии, социально-теологический факультет, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskaya@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Vitaliy V. Penskoy, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Belgorod National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; penskoy@bsu.edu.ru
Tatyana M. Penskaya, PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Socio-Theological Faculty, Belgorod National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; penskaya@bsu.edu.ru

АРХИВ
ARCHIVE

УДК 929:(908)

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-2-0-3

Денисова И. В.¹,
Лю-Ку-Тан В. А.²

ПРЕПОДАВАТЕЛИ ЗАКОНА БОЖЬЕГО
В БЕЛГОРОДСКОМ УЧИТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; denisova@bsu.edu.ru

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; lyu-ku-tan@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье представлен анализ роли и значимости преподавателей Закона Божьего в религиозном и нравственном воспитании выпускников учительских институтов Российской Империи на примере законоучителей Белгородского учительского института. Реконструированы основные этапы жизни и профессиональной деятельности преподавателей Закона Божьего Белгородского учительского института. Анализируются как опубликованные источники, так и не вводимые ранее в научный оборот архивные документы. Рассмотрены программа (содержание курса) и методы преподавания Закона Божьего в учительском институте с 1876 г. до 1917 г., приводятся данные о требованиях, предъявляемых к уровню знаний поступающих в Белгородский учительский институт при сдаче экзамена по Закону Божьему. По результатам исследования в сотрудничестве с доктором филологических наук, профессором Н.Л. Потаниной, в статье представлены выявленные фотографии трех законоучителей – М.П. Трухманова, Е.Н. Попова, А.Г. Попова.

Ключевые слова: Белгородский учительский институт; Харьковский учебный округ; законоучитель; Федоров М.Н.; Трухманов М.П.; Гапонов А.В.; Булгаков Л.Н.; Попов Е.Н.; Попов А.Г.

I. V. Denisova¹,
V. A. Lyu-Ku-Tan²

TEACHERS OF THE LAW OF GOD IN BELGOROD
TEACHERS' TRAINING INSTITUTE AT THE END
OF THE 19th AND THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

¹ Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
denisova@bsu.edu.ru

² Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
lyu-ku-tan@bsu.edu.ru

Abstract. The article presents an analysis of the role and importance of the teachers of the Law of God in the religious and moral upbringing of pupils of teachers' training institutes of the Russian Empire who played an important role in the educational process in educational institutions. The article reconstructs the main stages of life and professional activity of the teachers of religion in the Institute. The study analyzes both published sources and archival documents not introduced earlier in scientific circulation. The authors discuss the program and methods of teaching the

Law of God in the Teachers' Training Institute from 1876 to 1917, the content of the course, the data on the requirements for the level of knowledge required for entering Belgorod Teachers' Training Institute when taking the exam in the Law of God. Also, based on the results of the research and in cooperation with the professor, doctor of philological sciences N.L. Potanina, the authors present some photos of three teachers of religion – M.P. Trukhmanova, E.N. Popova, A.G. Popova. **Keywords:** Belgorod Teachers' Training Institute; Kharkov Academic District; teacher of religion; M.N. Fedorov; M.P. Trukhmanov; A.V. Gaponov; L.N. Bulgakov; Y.N. Popov; A.G. Popov.

Учительские институты, учрежденные как профессиональные педагогические учебные заведения для подготовки учителей городских училищ, изначально были нацелены на формирование личностей скромных трудящихся педагогов¹. В связи с этим в учительских институтах значительное внимание уделялось религиозному воспитанию обучающихся, о чем свидетельствуют данные по вероисповеданию воспитанников. Так, например, к 1894 г. в девяти учительских институтах Российской Империи, за исключением еврейского учительского института, обучалось 94,75 % воспитанников православного вероисповедания; армяно-григориан обучалось 3,19 %, католиков – 1,14 %, лютеран – 0,46 %, прочих исповеданий – 0,46 %². По данным на 1 января 1912 г. в 21 учительском институте обучалось 94,82 % воспитанников православного вероисповедания, за исключением одного еврейского учительского института³. Из этого следует, что большинство воспитанников учительских институтов были православного вероисповедания.

Наряду с усвоением религиозных истин в процессе обучения, в соответствии с правилами для воспитанников, утвержденными в качестве образцовых в 1876 г., вос-

питанники должны были ежедневно присутствовать на утренней и вечерних молитвах в институте, ежегодно бывать у исповеди и святого причастия, в воскресные и праздничные дни – посещать общественное богослужение⁴.

Кроме того, при поступлении в учительский институт обязательным был экзамен по Закону Божьему. Так, в соответствии с программой вступительных испытаний по Закону Божьему, содержащейся в правилах поступления в Белгородский учительский институт в 1900 г., поступающему необходимо было знать 15 обязательных молитв, с объяснением содержания и отдельных слов: 1. Во имя Отца и Сына... 2. Слава тебе, Боже... 3. Слава Отцу и Сыну... 4. Святой Боже... 5. Царю Небесный... 6. Пресвятая Троице... 7. Господи Иисусе Христе... 8. Молитва Господня... 9. Утренняя: к Тебе Владыко, человеколюбче... 10. Вечерняя: Господи, Боже наш... 11. Молитвы: пред принятием и после принятия пищи, пред учением и после учения и перед причастием Св. Тайн... 12. Ангелу Хранителю: Ангеле Христов, хранителю мой святой... 13. Богородице Дево... 14. Достоинство есть яко воистину... 15. Спаси, Господи, люди твоя⁵. Вместе с

¹ О предлагаемых городских училищах и об учительских институтах // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1869. Ч. CXLIII. С. 19.

² Обзор деятельности ведомства Министерства народного просвещения за время царствования императора Александра III (со 2 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г.). СПб.: Государственная типография, 1901. С. 336.

³ Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1911 год. СПб., 1913. С. 150.

⁴ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Царствование императора Александра II, 1874-1876. СПб., 1878. Т. 6. С. 1182-1187.

⁵ Правила и программы испытания для желающих поступить в число воспитанников Белгородского Учительского Института. Белгород: Тип. А.А. Вейнбаума, 1900. С. 8-10.

тем поступающий должен был знать: «Священную Историю Ветхого и Нового Завета» со знанием мест и событий на географической карте, времени происходившего события, названия священных книг, в которых они описаны, и их авторов.

При подготовке к разделу «Краткий Христианский православный катехизис» особое внимание предлагалось уделить: Символу Веры, Молитве Господней, Десяти Заповедям Божиим. Краткое учение о богослужении Православной Церкви включало такие вопросы для подготовки, как: понятие о богослужении и лицах, совершающих его; понятие о храме, внешнем его виде и внутреннем расположении его частей; о священных сосудах и одеждах; обряды, наиболее употребительные при богослужении и другое.

Следует отметить, что одна из ключевых ролей как в религиозно-нравственном воспитании будущих учителей городских училищ, так и в регулировании учебного процесса в учительских институтах, в том числе в Белгородском учительском институте, принадлежала законоучителю.

По «Положению об учительских институтах» от 31 мая 1872 г. кандидатами на должность законоучителя могли быть, в основном, выпускники духовных академий, известные своим опытом в преподавании Закона Божьего. Право выбора законоучителя принадлежало директору учительского института, утверждал в должности попечитель учебного округа по согласованию с епархиальным начальством.

Преподавание Закона Божьего продолжалось на протяжении всего курса учительского института, то есть три года. В I классе – два урока в неделю, во II классе – два урока в неделю и в III классе – один урок⁶. В соответствии с «Положением об учительских институтах» 1872 г. материальное содержание законоучителя обходилось государственной казне в 1200 руб. в год: из них жалование – 650 руб. и столовые деньги – 550 руб. Отметим, что на протяжении более

чем тридцати лет размер жалования законоучителя, как и других преподавателей учительских институтов, оставался тем же. Предполагаем, что именно по этой причине многие законоучителя нередко стремились увеличить свои доходы, занимая другие должности в учительском институте, или преподавали в других учебных заведениях города. Так, например, законоучителя Белгородского учительского института одновременно преподавали в Белгородской женской и мужской классических гимназиях, а также нередко являлись секретарями педагогического совета и библиотекарями.

В своей преподавательской деятельности законоучителя в Белгородском учительском институте руководствовались Программой преподавания Закона Божьего в учительских институтах, которая была утверждена 13 ноября 1876 г. Министерством Народного просвещения и включала в себя Священную историю Ветхого и Нового Заветов, церковную историю – всеобщую и отечественную, учение о богослужении православной церкви и катехизис. При преподавании Священной истории главное внимание должно было быть обращено на события, которые имеют прямое отношение к Царству Божию на земле. В конце XIX века процесс преподавания Священной истории включал чтение Библии, при этом законоучитель должен был интерпретировать прочитанное, а также объяснять смысл слов, непонятных для воспитанников. При изучении Церковной истории законоучителю рекомендовалось обращать особое внимание воспитанников на значение и связь событий с географическим и хронологическим измерениями. В процессе изучения богослужения законоучитель должен был объяснять не только содержание обрядов, но и актуализировать их соблюдение среди воспитанников. Основными руководствами, сопровождающими процесс изучения Закона Божьего в учительских институтах, являлись катехизис митрополита

⁶ Высочайше утвержденная, 31 мая 1872 года, таблица числа недельных уроков в Учительском Институте // Полное собрание законов Российской империи. 1872. Т. 47. С. 283.

Филарета, «Священная и церковная история» и «Объяснение Богослужения Православной Церкви» протоиерея Рудакова⁷.

Однако к началу XX века в процессе преподавания Закона Божьего в Белгородском учительском институте происходят некоторые изменения в изучении Священной истории Ветхого и Нового Заветов. Наметилась тенденция перехода от относительно догматизированного метода обучения к некоему диалогу между преподавателем и воспитанниками. Так, в отчете Попечителя Харьковского учебного округа за 1903 г. указано, что в связи с тем, что «воспитанники изучали уже этот предмет до поступления в институт, причем многие из них даже по два, а то и по три раза, то поэтому в Институте сообщались только сведения о самых важных фактах священной истории, о характере и значении деятельности Моисея и вообще еврейских пророков, об истории Мессианской идеи, о религиозно-нравственном состоянии народа пред пришествием Спасителя, а из Нового Завета подробно объяснялось по Евангелию «Нагорная беседа», в связи с параллельными местами из других Новозаветных книг»⁸. Полагаем, что указанные изменения были связаны с тем, что из числа желающих получить образование в учительском институте предпочтение отдавалось поступающим, имеющим педагогический опыт, а также выпускникам городских училищ. Первые, чаще всего, являлись выпускниками учительских семинарий, где преподавание Закона Божьего велось так же активно, как и в учительских институтах.

Кроме того, изменилась и методика проведения занятий, на смену объяснительному чтению пришла форма собеседований, и целью их было не усвоение более подробных сведений по Закону Божьему, а

только освещение фактов священной истории и указание на общее направление, религиозное и общеисторическое значение священных событий, одновременно «при изложении Евангельского учения всегда выяснялось отношения к современной жизни, к настроениям учащейся молодежи, к тем вопросам, с которыми она встречается в литературных и научно-популярных книгах»⁹.

Отметим, что наряду с выявленными особенностями преподавания Закона Божьего в Белгородском учительском институте в конце XIX – начале XX века в рамках данного исследования на основе работы с неопубликованными документами из фондов 733 Департамента народного просвещения (РГИА) и фонда 80 Белгородской мужской классической гимназии Его Королевского Высочества Герцога Эдинбургского Государственного архива Белгородской области (ГАБО), а также опубликованных источников – «Списков лиц, служащих по Харьковскому учебному округу» и «Циркуляра Харьковского учебного округа», Памятных книжек Курской губернии – были восстановлены в хронологической последовательности имена всех законоучителей Белгородского учительского института с 1876 г. по 1917 г.

Первым законоучителем Белгородского учительского института был назначен кандидат богословия Киевской духовной академии священник Федоров Митрофан Николаевич¹⁰, который одновременно занимал должность преподавателя Курской духовной семинарии¹¹. В учительском институте он преподавал один год, позже являлся законоучителем Курской губернской гимназии и Мариинской женской гимназии

⁷ Программы и учебные планы преподаваемых в учительских институтах 13 ноября 1876 г. // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1876. Часть CLXXXVIII. С. 143.

⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 733. Оп. 204. Ед.хр. 182. Л. 16об. –17.

⁹ Там же.

¹⁰ Репортаж об открытии учительского института в Белгороде // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1877 г. Ч. CLXXXIX. С. 65.

¹¹ Циркуляр по Харьковскому Учебному Округу. 1876. № 8. С. 11.

в Курске¹². 22 сентября 1888 г., согласно прошению, М.Н. Федоров был освобожден от занимаемой должности законоучителя приготовительного класса Курской мужской гимназии¹³, оставаясь при этом членом Курской духовной консистории¹⁴.

С 5 сентября 1877 г. по 3 ноября 1885 г. законоучителем Белгородского учительского института был священник Михаил Павлович Трухманов. Он родился 5 января 1852 г. в селе Геросим (ныне Герасимово) Старооскольского уезда Курской губернии. Сын священника М.П. Трухманов получил образование в Московской духовной академии с присвоением степени кандидата богословия¹⁵. Директор Белгородского учительского института Дмитрий Николаевич Ларионов, ходатайствуя о вознаграждении в 1879 г. М.П. Трухманова, отмечал, что «старание законоучителя Трухманова всеми способами оказывает большое влияние на религиозно-нравственные настроения воспитанников Института и учеников городского училища, именно: преподаванием уроков за отсутствием учителей, объяснением Евангелия в неурочные часы, и иногда дежурством в Институте за болезнью дежурного воспитателя»¹⁶. Наряду с тем, что Михаил Павлович Трухманов являлся законоучителем и библиотекарем Белгородского учительского института¹⁷, он был священником Владимирской (Сергиевской) церкви г. Белгорода, которая находилась рядом с учительским институтом по ул. Сергиевская (церковь не сохранилась)¹⁸.

В 1883 г. священник Михаил Павлович Трухманов, законоучитель Белгородского учительского института, издал книгу «Симон Петр. Апостол Господа»¹⁹, посвященную жизни и деяниям Апостола Петра. С 4 ноября 1885 г. по 6 сентября 1899 г. М.П. Трухманов занимал должность инспектора классов и являлся законоучителем в Курском Епархиальном Женском училище, с 18 ноября 1888 г. по 24 января 1894 г. был председателем Курского отделения Епархиального училищного совета, а также настоятелем Павловской церкви при училище в Курске. А с 6 сентября 1899 г. по 1905 г. занимает должность смотрителя Белгородского духовного училища. М.П. Трухманов награжден за службу набедренником, скуфьей, камилавкой, наперсным крестом, серебряной медалью в память Царствования Императора Александра III и орденом Святой Анны III степени²⁰.

С 1906 г. по 1913 г. Михаил Павлович Трухманов был протоиреем Рождество-Богородицкой церкви города Корочи. Одной из преподавательниц Коротковского училища в Короче, Петровской Феодосии Владимировне, выпускнице Курского епархиального училища 1893 г., М.П. Трухманов подарил свою фотографию (рис. 1) с надписью «На добрую память моей воспитаннице Феодосии Петровской» [3, с. 13].

¹² Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1884 г. Курск: Типография губернского правления, 1883. С. 19-21.

¹³ Циркуляр по Харьковскому Учебному Округу. 1888. № 10. С. 48.

¹⁴ Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1888 г. Курск: Типография губернского правления, 1887. С. 32.

¹⁵ РГИА Ф. 796 Оп. 441. Ед. хр. 324. Л.33-33 об.

¹⁶ РГИА. Ф.733. Оп.174. Ед. хр. 138. Л. 31 об. – 32.

¹⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 165. Ед. хр. 6. Л. 93.

¹⁸ Список лиц духовного звания, Курской Епархии, кои за службу по духовному ведомству награждаются Святейшим Синодом к дню св. Пасхи в 1885 г. // Курские Епархиальные ведомости. 1885. № 8. С.381.

¹⁹ Трухманов, М. П. Симон Петр апостол Господа: Воспитание его, жизнь и деятельность для Царства Божия. Харьков: тип. Окружного штаба, 1883. [2], III, II, 328 с.

²⁰ РГИА Ф. 796. Оп. 441. Ед. хр. 324. Л. 34.

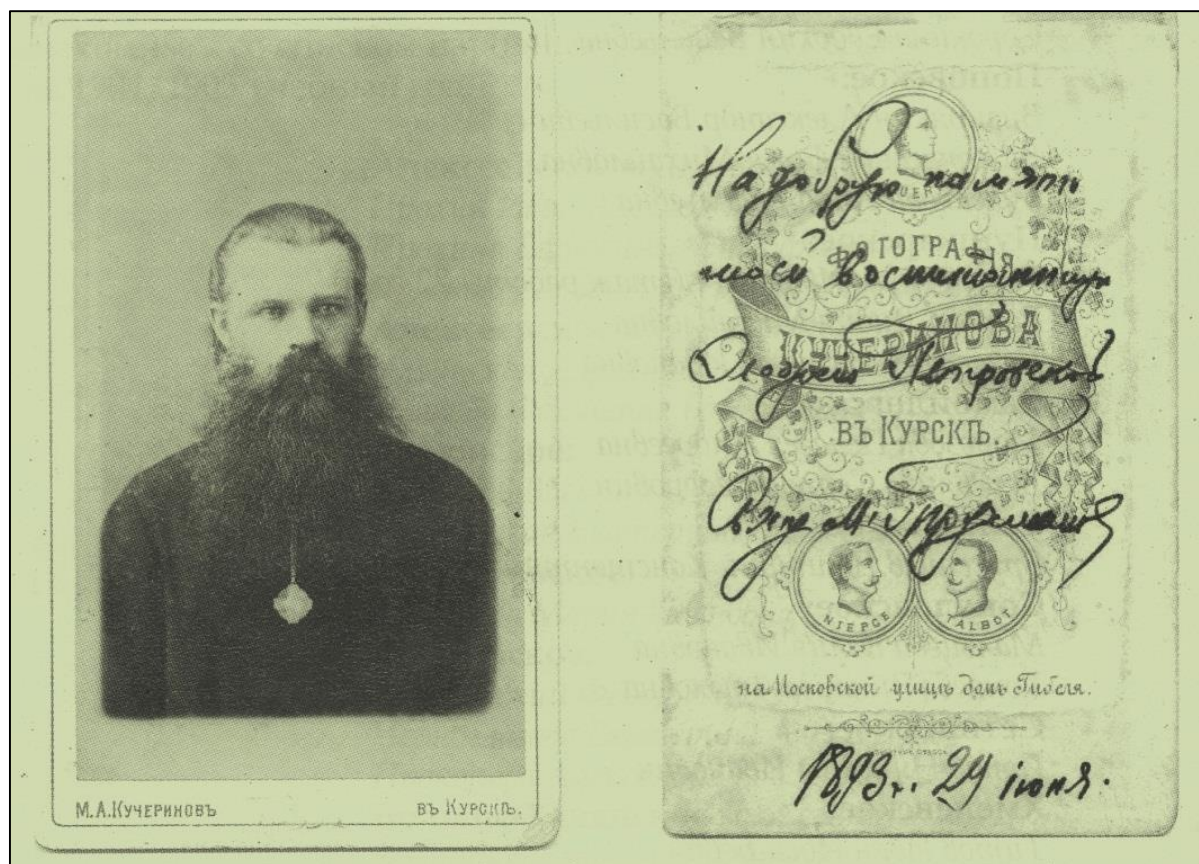

Рис. 1. Михаил Павлович Трухманов, конец XIX века.
Fig. 1. Mikhail Pavlovich Trukhmanov, the end of the XIX century.

14 марта 1886 г. священник соборной Богоявленской церкви г. Фатежа, кандидат богословия Московской духовной академии Алексей Васильевич Гапонов был определен законоучителем в Белгородский учительский институт, где прослужил один год²¹. Позже на эту должность в Белгородский учительский институт был назначен Лев Николаевич Булгаков, он прослужил 13 лет.

Отметим, что в 2018 г. исполнилось 160 лет со дня рождения Льва Николаевича Булгакова. В результате научно-исследовательской работы с фондом номер 80 Белгородской мужской классической гимназии Его Королевского Высочества Герцога Эдинбургского Государственного архива

Белгородской области (ГАБО), при содействии директора архива П.Ю. Субботина, было изучено личное дело Льва Николаевича. В состав данного дела были включены формулярный список, содержащий информацию о работе Л.Н. Булгакова в Белгородском учительском институте, аттестат Курской духовной семинарии, диплом Киевской духовной академии и другие документы, работа с которыми позволила определить и реконструировать основные этапы его жизни и деятельности.

Л.Н. Булгаков родился 18 февраля 1858 г. в слободе Михайловка Новооскольского уезда Курской губернии, в семье священника Николая Михайловича Булгакова и его жены Елены Яковлевны. Крестили его в Успенской церкви²².

²¹ Циркуляр по Харьковскому Учебному Округу. 1886. № 3. С. 32.

²² Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. 80. Оп. 2. Ед.хр. 61. Л. 25.

В 1875 г., после окончания курса Старооскольского духовного училища, Лев Николаевич Булгаков поступил в Курскую духовную семинарию, которая располагалась в городе Белгороде. Успехи Л.Н. Булгакова по окончании курса в семинарии в 1882 г. были определены следующим образом: по изъяснению Священного Писания, общей церковной истории, истории русской церкви, основному, догматическому и нравственному богословию, практическому руководству для пастырей, гомилетике, литургике, обзору философских учений, педагогике, отечественной и всеобщей истории, алгебре, геометрии, тригонометрии, латинскому, греческому и немецким языкам – «отличные»; по русской словесности, истории Русской литературы, пасхалии, физике, космографии, логике и психологии – «очень хорошие»; по церковному пению – «хорошие»²³.

31 августа 1882 г. Л.Н. Булгаков был принят на казенный счет в Киевскую Духовную Академию, где за успехи в обучении и за сочинение, написанное на IV курсе, был 30 мая 1886 г. удостоен ученой степени кандидата богословия. В связи с тем, что во время обучения он находился на казенном содержании, по окончании учебного заведения Л.Н. Булгаков должен был прослужить «в учебно-духовном ведомстве пять лет и четыре с половиной месяца»²⁴.

Попечителем Харьковского учебного округа 31 мая 1887 г. Л.Н. Булгаков был определен исправляющим должность преподавателя Закона Божия в Белгородский учительский институт, впредь до принятия им сана священника²⁵.

Одновременное утверждение в должности преподавателя Закона Божьего Белгородского учительского института и рукоположение Л.Н. Булгакова в сан священника Владимирской церкви города Белгорода епископом Курским и Белгородским Иустином состоялось 26 августа 1887 г.²⁶

Параллельно со службой в Белгородском учительском институте, Епископом Курским и Белгородским Иустином Л.Н. Булгаков 25 февраля 1888 г. был назначен цензором проповедей при Первом благочинническом округе города Белгорода, а с 29 ноября 1888 г. являлся членом Белгородского уездного отделения Курского епархиального училищного совета²⁷. Кроме того, с 11 сентября 1889 г. он являлся законоучителем в Белгородской женской гимназии²⁸, где получал жалование в размере 240 рублей в год²⁹.

К 1898 году за работу в Белгородском учительском институте и городском училище при нем, а также находясь на должности настоятеля церкви, Лев Николаевич получал жалование в размере 1320 рублей в год³⁰.

К 1880-м годам он женился, его жену звали Александра Васильевна. Также справедливо будет предположить, что все его дети родились в Белгороде: сын Константин родился 20 июня 1888 г., дочь Надежда – родилась 12 августа 1890 г. и сын Аркадий родился 17 сентября 1896 г. Следует отметить, что к 1900 году Константин обучался в Белгородской мужской классической гимназии Е.К.В. Герцога Эдинбургского, а дочь Надежда – в Белгородской женской гимназии³¹.

²³ Там же. Л. 26.

²⁴ Там же. Л. 28.

²⁵ Циркуляр по Харьковскому Учебному Округу. 1887. № 6. С. 34.

²⁶ ГАБО. Ф. 80. Оп. 2. Ед. хр. 61. Л. 6.

²⁷ Там же. Л. 7.

²⁸ Циркуляр по Харьковскому Учебному Округу. 1889. № 10. С. 57.

²⁹ Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу 1890. Харьков: Типография В.С. Бирюкова, 1890. С. 204.

³⁰ Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу 1898. Харьков: Типография и Литография Зильберберг, 1898. С. 214.

³¹ ГАБО. Ф. 80. Оп. 2. Ед. хр. 61. Л. 6.

О значимости и авторитете Л.Н. Булгакова как священнослужителя и преподавателя Закона Божьего Белгородского учительского института свидетельствует тот факт, что 19 января 1891 г., в день погребения Епископа Ефрема (Рязанова), который согласно прошению в 1888 г. был направлен в Белгородский Свято-Троицкий монастырь и управлял им до своей смерти, на Литургии, где собрались все представители гражданской и военной местной власти, куда также прибыл Епископ Курский и Белгородский Иустин, было доверено Льву Николаевичу произнести «слово на текст: “Поминайте наставника ваша”, в котором проповедник очертил деятельность и подвиги жизни покойного Святителя»³².

За время службы в Белгородском учительском институте Л.Н. Булгаков был награжден набедренником в 1890 г., скуфьей в 1893 г. и камилавкой в 1898 г.

В связи с появлением вакансии законоучителя в Белгородской мужской классической гимназии Его Королевского Высочества Герцога Эдинбургского 10 января 1900 г. Л.Н. Булгаков подал прошение директору гимназии Фуксу Владимиру Александровичу о возможности рассмотрения его кандидатуры на данную должность. В прошении он отмечал, что неоднократно совершал службы в храме при гимназии и давал уроки в ней. Кроме того, данный документ свидетельствует о давнем знакомстве Л.Н. Булгакова с директором гимназии, в связи с тем, что он являлся председателем попечительского совета Белгородской женской гимназии, в которой

Л.Н. Булгаков преподавал Закон Божий более 10 лет³³.

9 февраля 1900 г. предложением попечителя Харьковского учебного округа № 1173 Л.Н. Булгаков был назначен законоучителем в Белгородскую мужскую классическую гимназию Е. К. В. Герцога Эдинбургского³⁴. А с 15 февраля 1900 г., с жалованием 150 рублей в год, Лев Николаевич был назначен настоятелем Евгеньевской церкви при гимназии³⁵, которая была построена на пожертвованные женой капитана Мустяц Софьей Арсеньевной 6000 рублей в память о своей дочери Евгении, а также с целью «устранения неудобств для учащихся и учащихся»³⁶. К 1903 г. жалование Л.Н. Булгакова составляло 1290 рублей в год, из них 240 рублей за дополнительные уроки и 150 рублей за должность настоятеля Евгеньевской церкви³⁷.

12 октября 1907 г., с разрешения Товарища Главноуправляющего землеустройством и земледелием, Лев Николаевич Булгаков был переведен на должность законоучителя в Казанское земледельческое училище³⁸. Отметим, что в 1911 г. Казанское земледельческое училище было преобразовано в Казанское среднее сельскохозяйственное училище. В процессе изучения Адрес-календарей и Памятных книжек Казанской губернии было установлено, что до 1916 г. Лев Николаевич служил в должности законоучителя и настоятеля домового церкви указанного учебного заведения³⁹.

С 1 сентября 1900 г. священник с. Бердыща, Холмского уезда (Псковская губерния) Евгений Николаевич Попов определен

³² Кончина и погребение Преосвященного Епископа Ефрема бывшего на покое в Белгородском Свято-Троицком монастыре Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1891. № 4. С. 48.

³³ ГАБО. Ф. 80. Оп. 2. Ед. хр. 61. Л. 11.

³⁴ Циркуляр по Харьковскому Учебному Округу. 1900. № 3. С. 219.

³⁵ ГАБО. Ф. 80. Оп. 2. Ед. хр. 61. Л. 21.

³⁶ Журналы заседаний XIX очередного Белгородского уездного земского собрания с 20-го по 25-е октября 1883 года. Курск, 1884. С. 301.

³⁷ Список лицам, служащим по Харьковскому Учебному Округу 1903 г. Выпуск 1. Харьков: Типография «Печатное дело» кн. К.Н. Гагарина, 1903. С. 93.

³⁸ ГАБО. Ф. 80. Оп. 2. Ед. хр. 61. Л. 9.

³⁹ Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1916 год. Казань: Тип. Губ. прав., 1916. С. 198.

законоучителем Белгородского учительского института⁴⁰. Е.Н. Попов родился 10 января 1870 г., в 1895 г. окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата Богословия.

20 августа 1901 г. состоялось празднование 25-летнего юбилея Белгородского учительского института. В начале торжественного акта была произнесена речь законоучителем института Е.Н. Поповым для воспитанников учебного заведения: «Не мните о себе многого»; «един истинный учитель Бог», а также был отслужен молебен⁴¹.

В отчете о работе учительского института за 1905 г. директор Федор Егорович Пактовский отмечал: «За неимением собственной церкви воспитанники обыкновенно ходят в праздничные дни ко всенощной и обедне в приходские церкви, а в большие праздники законоучитель института служит в приходской церкви Святого Сергия для воспитанников института и учеников городского училища позднюю обедню. В дни высокоторжественные совершаются молебны в самом здании института»⁴². В связи с этим кроме жалования законоучителя в размере 650 рублей Е.Н. Попов получал 150 рублей столовых и за совершения богослужений еще 120 рублей⁴³.

Обратим особое внимание на то, что в 1906 г. Е.Н. Попов был назначен на должность преподавателя русского языка Белгородского учительского института. В соответствии с предложением попечителя Харьковского учебного округа от 17 февраля № 3138, педагогическим советом был избран «в депутаты на совещание в Петербурге директоров и представителей педагогических советов институтов по вопросу преобразования их»⁴⁴. Таким образом, Е.Н. Попов представлял интересы Белгородского учительского института на созданном Министерством

Народного Просвещения совещании, проходившем с 26 февраля по 6 марта 1907 г. в Санкт-Петербурге. На нем обсуждались основные вопросы преобразования и функционирования учительских институтов в начале XX века. Совещание открывал Министр Народного Просвещения П.М. фон Кауфман.

В автобиографичной повести «Волшебные очки» из цикла «Жизнь и приключения Заморыша» Ивана Дмитриевича Василенко – воспитанника Белгородского учительского института 1913 г. – сохранились воспоминания о Евгении Николаевиче Попове, причем автор сохранил настоящее имя преподавателя, в отличие от многих других героев повести. Описывая внешность Е.Н. Попова, И.Д. Василенко рассказывает: «на пороге появился человек с мейфистофельской бородкой, в поповской рясе, но коротко подстриженный». В целом Иван Дмитриевич высказываниями своих героев характеризует Е.Н. Попова как довольно демократичного преподавателя: «Евгений Николаевич, конечно, не придерется, даже, пожалуй, одобрит в душе. Он хоть и в поповской рясе, но не священствует и вообще славный человек». Также, по словам героев повести, Е.Н. Попов среди воспитанников старших классов был известен своими сложными, но повторяющимися ежегодно на вступительных испытаниях вопросами. В связи с этим старшие воспитанники передавали поступающим эти вопросы с ответами, собранными в одну тетрадь, о которой он знал (см.: [1]).

В 1910-е годы он преподавал в Белгородской женской гимназии, а 30 июля 1911 г. преподавателю Белгородского учительского института священнику Евгению Попову было разрешено поручить преподавание русского языка в V–VII классах Белгородской женской гимназии содержания

⁴⁰ Циркуляр по Харьковскому Учебному Округу. 1900. № 9. С. 568.

⁴¹ Корреспонденция из г. Белгорода об исполнившемся 25-летию существования учительского института // Курские губернские ведомости. 1901 г. № 187. С. 4.

⁴² РГИА. Ф. 733 Оп. 204. Ед. хр. 506. Л. 22 об.

⁴³ Список лицам, служащим по Харьковскому Учебному Округу 1903 г. Выпуск 1. Харьков: Типография «Печатное дело» кн. К.Н. Гагарина, 1903. С. 217.

⁴⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Ед. хр. 2508. Л. 34.

Кротковой, с освобождением его от преподавания того же предмета в Белгородской женской гимназии с 1 августа 1911 г.⁴⁵ Уже 3 января 1913 г. Е.Н. Попову снова поручено преподавание Закона Божия в Белгородской женской гимназии: четыре урока в 7 классе⁴⁶. С 1 июля 1915 г. он был назначен в Воронежский учительский институт преподавателем русского языка и словесности, позже вернулся в Белгород, где преподавал в Белгородском педагогическом техникуме.

С 8 ноября 1906 г. на должность законоучителя Белгородского учительского института был назначен священник Алексей Гаврилович Попов, который также являлся секретарем педагогического совета учительского института⁴⁷. А.Г. Попов родился 22 февраля 1868 г., окончил курс Курской духовной семинарии по 2 разряду, кроме того был священником Соборной Смоленской Церкви⁴⁸. 13 октября 1916 г. законоучитель Белгородского учительского института А.Г. Попов был допущен к преподаванию Закона Божия в VIII классе Белгородской женской гимназии⁴⁹. В Белгородском учительском институте А.Г. Попов преподавал до 1917 года⁵⁰.

Наряду с преподаванием Закона Божьего в обязанности А.Г. Попова как секретаря педагогического совета Белгородского учительского института входили ведение протоколов заседаний педсовета, а также составление ежегодного отчета о работе учебного заведения.

Следует отметить, что законоучитель Белгородского учительского института Алексей Гаврилович Попов являлся одним из последователей, выступавших за канонизацию Святителя Иоасафа (Горленко), Епископа Белгородского и Обоянского. По сведениям, размещенным в Смоленских епархиальных ведомостях, в 1909 г. А.Г. Попов стал свидетелем исцеления его

дочери Ольги от смертельной болезни при обращении его к мощам Святителя Иоасафа (см.: [4]).

Сведения о жизни Алексея Гавриловича в годы революции и Гражданской войны были опубликованы М. Польским, который отмечал, что протоирей Алексей Попов «в дореволюционное время был третьим священником в гор. Белгороде в Смоленском Соборе и законоучителем Белгородского Учительского Института... В это время мужской монастырь в Белгороде был большевиками уничтожен и кафедральный собор, там находившийся, – закрыт. Городским собором стала Преображенская церковь, в которой о. Алексей был в это время настоятелем... о. Алексей был любим и популярен в городе. Требовались основательные и серьезные предлоги для его ареста... Когда наступил подходящий момент, а им явилась новая волна закрытия городских церквей в 1928-29 гг., тогда священнослужители арестовывались... В числе последних борцов за веру Христову был арестован и о. Алексей Попов и отправлен в отдаленный лагерь без права переписки» [2, с. 198-200].

По результатам исследовательской деятельности и сотрудничества с правнучкой директора Белгородского учительского института Алексея Константиновича Димитриу (1906-1913 гг.) Потаниной Наталией Леонидовной, профессором Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, в семейном архиве которой сохранились уникальные фотографии преподавательского состава Белгородского учительского института предположительно 1906 года, были установлены личности Алексея Гавриловича Попова (слева первый сидит) и Евгения Николаевича Попова (справа второй сидит, в центре – директор Алексей Константинович Димитриу) (рис. 2).

⁴⁵ Циркуляр по Харьковскому Учебному Округу. 1911. № 17. С. 38.

⁴⁶ Циркуляр по Харьковскому Учебному Округу. 1913. № 1. С. 20.

⁴⁷ Список лицам, служащим по Харьковскому Учебному Округу 1913 г. Часть 1. Харьков, 1913. С. 451.

⁴⁸ Список чинам гражданского, военного и духовного ведомства Курской губернии на 1905 г. Курск: Типография губернского правления, 1905. С. 117.

⁴⁹ Циркуляр по Харьковскому Учебному Округу. 1916. № 11. С. 37.

⁵⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Ед. хр. 2818. Л. 24.

Рис. 2. Преподаватели Белгородского учительского института в начале XX века.
Fig. 2. Teachers of Belgorod Teachers' Training Institute at the beginning of the 20th century.

Кроме священников-законоучителей в Белгородском учительском институте с 1876 г. и до 1901 г. преподавал пение священник Николай Васильевич Боголюбов, который окончил Курскую духовную семинарию. 8 июня 1888 г. попечителем Харьковского учебного округа была объявлена признательность учителю пения Белгородского учительского института священнику Боголюбову – «за его усердное и успешное преподавание пения воспитанникам названного учительского института и за успешное обучение церковного хора, составленного из воспитанников института и учеников городского при нем училища»⁵¹. Также следует отметить, что в 1890-х годах Н.В. Боголюбов являлся священником Владимирской (Сергиевской) церкви Белгорода и входил в состав Белгородского уездного отделения Курского епархиального училищного совета. То есть, законоучитель

не только преподавал Закон Божий и оказывал значительное влияние на учебный процесс, одновременно он играл значительную роль в религиозно-нравственном воспитании воспитанников с момента их поступления и до окончания учебного заведения. Также было установлено, что к началу XX века процесс преподавания Закона Божьего в Белгородском учительском институте начинает носить более демократичный характер.

Таким образом, было установлено, что в должности законоучителей в Белгородском учительском институте преподавали Митрофан Николаевич Федоров, Михаил Павлович Трухманов, Алексей Васильевич Гапонов, Лев Николаевич Булгаков, Евгений Николаевич Попов и Алексей Гаврилович Попов. В должности законоучителя Белгородского учительского института утверждались преимущественно выпускники

⁵¹ Циркуляр по Харьковскому Учебному Округу. 1888. № 8. 29. С. 24.

духовных академий Российской Империи. При этом следует отметить, что должность законоучителя интегрировалась с должностью секретаря педагогического совета учительского института или библиотекаря. Наряду с этим, законоучителя Белгородского учительского института часто исправляли эту же должность в мужской и женских гимназиях г. Белгорода.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of interests: authors have no conflict of interests to declare.

Литература

1. Василенко, И.Д. Жизнь и приключения Заморыша. М.: Детская литература, 1976. [Электронный ресурс] URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=132790> (дата обращения 02.04.2018).
2. Новые мученики российские в 2 ч. / Сост. протопресвитер М. А. Польский. Часть 2. Репринт. изд. Б. м.: Товарищество «Светлячок», 1993. 319 с.
3. Потапов, В.В., Максименко, А.П. Корочанская средняя школа им. Д.К. Кромского. Курск, 2008. 516 с.
4. Святитель Иоасаф (Горленко) Епископ Белгородский и Обоянский (К предстоящему торжеству церковного прославления Святителя Иоасафа 4 сентября 1911 года) // Смоленские Епархиальные ведомости. 1911. № 12-13. С. 460-465.

References

1. Vasilenko, I.D. (1976), *Zhizn' i prikl'yucheniya Zamorysha* [The Life and Adventures of Starveling], Detskaya literatura, Moscow, Russia. [Online], available at:

<https://www.e-reading.club/book.php?book=132790> (Accessed 2 April 2018) (in Russ.).

2. Pol'skij, M.A. (1993), *Novye mucheniki rossijskie v 2 ch., chast' 2* [The new martyrs of Russia. In 2 parts, Part 2.], Tovarithchestvo «Svetlyachok» (in Russ.).

3. Potapov, V.V. and Maksimenko, A.P. (2008), *Korochanskaya srednyaya shkola im. D.K. Kromskogo* [D.K. Cromsky Korochan-sky secondary school], Kursk, Russia (in Russ.).

4. St. Joasaph (Gorlenko) Bishop of Belgorod and Obayan (to the forthcoming celebration of the Church glorification of St. Joasaph on September 4, 1911) (in Russ.), *Smolenskie eparhial'nye vedomosti*, 12-13, 460-465.

ОБ АВТОРАХ:

Денисова Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, заведующая музеем истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; denisova@bsu.edu.ru

Лю-Ку-Тан Виктория Александровна, младший научный сотрудник музея истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; lyu-ku-tan@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Irina V. Denisova, Candidate of Historical Sciences, Museum Director, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; denisova@bsu.edu.ru

Viktor A. Lyu-Ku-Tan, Junior Researcher, Museum of History, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; lyu-ku-tan@bsu.edu.ru

УДК 929

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-2-0-4

Черномаз П. А.

**СЛОБОЖАНСКИЕ ВЕТВИ РОДОВОГО ДРЕВА
СВЯТИТЕЛЯ ИОАННА ШАНХАЙСКОГО
И САН-ФРАНЦИССКОГО (МАКСИМОВИЧА)**

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, пл. Свободы, д. 4, г. Харьков,
61022, Украина; pavel.chernomaz@gmail.com

Аннотация. В статье публикуется обнаруженный автором в Государственном архиве Харьковской области документ 1919 года, содержащий, по-видимому, автограф М.Б. Максимовича, будущего святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского, в контексте более широких историко-архивных генеалогических изысканий.

Ключевые слова: Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский; история Харькова; история Слобожанщины; церковная биография.

P. A. Chernomaz

**SLOBOZHAN BRANCHES OF THE FAMILY TREE
OF SAINT JOHN (MAXIMOVICH) OF SHANGHAI
AND SAN FRANCISCO**

V. N. Karazin Kharkiv National University, 4 Svobody Sq., Kharkiv, 61022, Ukraine;
pavel.chernomaz@gmail.com

Abstract. In the article the document of 1919, discovered by the author in the State Archives of the Kharkiv region, is published. This document contains, apparently, the autograph of M.B. Maximovich, future Saint John of Shanghai and San Francisco. This document and other information about the life of M.B. Maksimovich before emigration are given in the context of a broader historical and archival genealogical research.

Keywords: John of Shanghai and San Francisco; history of Kharkov; the history of Slobozhanshchina; church biography.

Архиепископа Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского (Максимовича) по праву считают одним из величайших подвижников православия XX века. Известен он стал по своему пастырскому служению в лоне Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ) в Китае, Западной Европе и США. Однако родился святитель Иоанн, в миру Михаил Борисович Максимович, на Слобожанщине, и до эмиграции из России его жизнь была связана со слобожанской землей. Здесь жили и его предки, как по линии отца, так и по линии матери, от которых он унаследовал благочестие. Здесь он

впервые прикоснулся к духовным святыням православия и встретился с людьми, повлиявшими на выбор его жизненного пути.

Святитель Иоанн в Слове при наречении во епископа Шанхайского утверждал, что желание служить правде и истине он перенял от своих благочестивых предков: «Родители мои возгревали во мне стремление непоколебимо стоять за истину, и душа моя пленялась примерами тех, кто отдавал за нее свою жизнь, борясь против царей, когда они были гонителями спасительной веры, и за царей, когда они являлись носителями и защитниками благочестия» [3].

Предки святителя Иоанна по отцовской линии, принадлежащие к роду Максимовичей, приехали на Слобожанщину в XIX веке. Здесь в Изюмском уезде Харьковской губернии находилось имение «генеральши Потаповой» – село Знаменское (сейчас входит в состав пгт Черкасское Донецкой области), которое в 1849 г. купил с аукциона по возвращении из Сибири разбогатевший на добыче золота прадед святителя – Клавдий Корнилиевич Максимович. В этом имении К.К. Максимович хотел надолго поселиться и, «благодаря южному климату, поправить свое здоровье», подорванное работой на сибирских приисках [4, с. 115]. Здесь он обустроил жилой дом и построил близ него вместо имевшейся в Знаменском ветхой деревянной церкви новую большую каменную церковь, вложив в ее постройку из заработанных в Сибири денег 40 тысяч рублей [4, с. 115]. Церковь была освящена в честь святого Иоанна Предтечи, который считался покровителем рода Максимовичей. Не случайно, первый золоторудный прииск, который оказался золотоносным и принес значительный доход К.К. Максимовичу, был назван «Иоанно-Предтеченским» [4, с. 112]. Святой Иоанн Предтеча был небесным покровителем благочестивого предка Максимовичей – причисленного в 1916 г. Русской Православной Церковью к лику святых Иоанна (Максимовича), митрополита Тобольского и всея Сибири.

Но вследствие прогрессирования болезни К.К. Максимович в 1856 г. уехал на длительное лечение за границу и скончался в 1860 г. в Марселе. Погребены были он и его супруга Ольга Романовна (урожденная баронесса Розен), скончавшаяся в 1887 г., в Иоанно-Предтеченской церкви села Знаменского [4, с. 117-118]. К сожалению, церковь эта не сохранилась.

Старший сын К.К. Максимовича и дед святителя Иоанна по отцовской линии –

Иван Клавдиевич Максимович, родившийся в 1845 г. в Иркутске, с 10 лет учился в Санкт-Петербурге, а в 1864 г. приехал «для поправки здоровья» в село Знаменское к матери и так здесь остался заниматься хозяйством. В январе 1870 г. он женился на «дочери соседнего помещика Анне Александровне Минченко» [4, с. 119]. Роду Минченко принадлежали земли соседнего села Никольского и деревни Адамовка, затем перешедшей по наследству отцу святителя – Борису Ивановичу Максимовичу и его брату Сергею. Имение Знаменское впоследствии было продано, поэтому в «Списке землевладельцев Харьковской губернии, владеющих 300-ми десятинами земли и более» от 1904 г. владельцами с. Знаменского значатся купцы Михаил Петрович Гаврилов, Кирилл Николаевич Ламзаки и Степан Скарлович Мурмураки. В этом же списке деревня Адамовка числится за Борисом Ивановичем и Сергеем Ивановичем Максимовичами, а хутор Никольский – за действительным статским советником Иваном Андреевичем Минченко¹.

Видимо, Иван Клавдиевич Максимович унаследовал часть отцовских денег, заработанных на сибирских приисках, что позволило ему купить земельный участок в городе Харькове. Здесь на углу Мало-Сумской улицы и Мироносицкой площади рядом с Крестовоздвиженской (Мироносицкой) церковью губернский секретарь И.К. Максимович в 1875 г. получил разрешение на постройку трехэтажного дома по проекту архитектора Андрея-Морица Томсона². Впоследствии это здание использовалось как доходный дом и в нем был достроен еще один этаж. Как свидетельствует автор «Сборника сведений о роде «Максимович» Иннокентий Клавдиевич Максимович, которому святитель приходится внука-племянником: «Всю свою жизнь Иван

¹ Список землевладельцев Харьковской губернии, владеющих 300-ми десятинами земли и более // Харьковский календарь на 1905 год: Издание Харьковского Губернского Статистического Комитета. Харьков, 1904. 72 с.

² ГАХО, ф. 45, оп. 4, д. 1307.

Клавдиевич провел безвыездно в Харьковской губернии, проживая то в своем имении, то зимою в г. Харькове» [4, с. 119]. Проживал он в Харькове, вероятнее всего, в собственном доме на углу ул. Мало-Сумской, 13 и Мироносицкой площади. Позже (после кончины Ивана Клавдиевича) это здание было продано и принадлежало действительному статскому советнику, управляющему Харьковской контрольной палатой Людвигу Карловичу Делла-Вос, а впоследствии его жене Марии Степановне (урожденной Тошкович) – родителям известной художницы Ольги Делла-Вос-Кардовской [5]. Это четырехэтажное здание сохранилось доньше и находится в Харькове по ул. Гоголя, 13. Скончался И.К. Максимович в 1892 г. и был погребен около Вознесенской церкви села Никольского Изюмского уезда [4, с. 119].

Кстати, не сохранившаяся каменная Вознесенская церковь села Никольского была построена еще в 1803 г. Ее ктиторм значится дворянин Игнатий Иванович Минченко – предок бабушки святителя³. Поскольку в деревне Адамовка церкви не было, то она была приписана к Вознесенской церкви села Никольского, поэтому, очень вероятно, что родившегося 4 июня 1896 г. (здесь и далее даты даны по старому стилю) в Адамовке Михаила Максимовича (будущего святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского) крестили именно здесь. Правда, проверить это не представляется возможным. В Государственном архиве Донецкой области, где хранятся метрические книги Вознесенской церкви села Никольского, книга за 1896 г. отсутствует. При том, что сохранились метрики за 1895 и 1897 гг.

В Изюмском уезде Харьковской губернии рядом с Адамовкой и Никольским располагалась Святогорская Успенская пустынь

– славящийся своими подвижниками и строгостью устава мужской монастырь (ныне имеющий статус лавры), где в детстве любил бывать Михаил. А в соседнем селе Богородичном находилась церковь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Видимо, не случайно, будучи архиепископом Западно-Американским и Сан-Францисским, Иоанн (Максимович) много сил приложил к строительству одноименного собора в Сан-Франциско.

Отец святителя Борис Иванович Максимович родился в 1871 г. и был старшим ребенком в семье. По окончании учебы в Полтавском кадетском корпусе, получив в наследство от родителей деревню Адамовку, поселился в ней и отдал себя обустройству своего хозяйства. Он принимал активное участие в общественной жизни Изюмского уезда, так что со временем избирался гласным уездного земства, помощником предводителя уездного дворянства и почетным мировым судьей. В 1909 г. Б.И. Максимович был избран Изюмским уездным предводителем дворянства. Предводителем дворянства Борис Иванович был вплоть до революции 1917 г., дослужившись до звания камер-юнкера Двора Его Императорского Величества⁴.

Предки святителя по материнской линии также тесным образом связаны со Слобожанщиной. В 1895 г. Б.И. Максимович женился на Глафире Михайловне Стефанович-Севастьянович – дочери действительного статского советника, губернского врачебного инспектора Михаила Михайловича Стефановича-Севастьяновича.

Нам удалось найти в Государственном архиве Харьковской области (ГАХО) в метрической книге Вознесенской церкви г. Харькова запись от 16 апреля 1895 г. о браке коллежского регистратора Б.И. Максимовича и «домашней наставницы», дочери действительного статского советника

³ Перечень храмов Харьковской епархии на 1917 г. [Электронный документ]. URL: http://vsosnickij.narod.ru/images/Filaretom3_2.pdf

⁴ Правительственные, сословные и общественные учреждения в уездах Харьковской губернии // Харьковский календарь на 1917 год. Харьков: Харьковский Губернский Статистический Комитет, б.г. С. 61.

Г.М. Севастьянович⁵. Таинство брака совершил протоиерей Александро-Невской домово́й церкви 1-й Харьковской гимназии Павел Солнцев⁶.

Место бракосочетания было выбрано не случайно. Дедушка святителя М.М. Стефанович-Севастьянович был прихожанином Вознесенской церкви (после закрытия она была перестроена в 1930-х гг., сейчас это корпус Харьковского национального технического университета сельского хозяйства им. Петра Васи́ленко), поскольку проживал недалеко от нее в собственном доме по ул. Старо-Московской, 22, который приобрел в 1873 г. До этого он арендовал жилье неподалеку – в доме Ионина по адресу Михайловская пл., д. 21. В 1888 г. М.М. Стефанович-Севастьянович решил увеличить жилую площадь и утвердил в техническом отделении Харьковской городской управы проект каменной одноэтажной пристройки с мезони́ном к существующему дому⁷. Автором проекта выступил Харьковский епархиальный архитектор Владимир Немкин.

Так же не случайно совершать таинство брака был приглашен протоиерей Павел Александрович Солнцев. Отец Павел был неординарным священником, поэтому удостоился упоминания в изданной в 1905 г. монографии Д.И. Багалея и Д.П. Миллера «История города Харькова за 250 лет его существования»: «...в первой гимназии около полусотни лет законоучительствует и ныне здравствующий о. Павел Солнцев, автор "Очерка истории Харьковского коллегиума", известный не только по педагогической деятельности, но и по участию в епархиальном управлении в качестве члена консистории» [1, с. 884]. Выпускником, а затем долгие годы врачом 1-й Харьковской мужской гимназии был

М.М. Стефанович-Севастьянович. Поэтому вполне логично предположить, что о. Павел Солнцев мог быть его духовником.

М.М. Стефанович-Севастьянович родился в 1837 г. Происходил он из семьи офицера русской армии. По окончании 1-й Харьковской мужской гимназии в 1854 г. поступил в Харьковский Императорский университет на медицинский факультет⁸. Кстати заметить, годом позже на этот же факультет поступил его брат Александр⁹. Окончив университетский курс обучения в 1859 г., М.М. Стефанович-Севастьянович готовит докторскую диссертацию, специализируясь в области гинекологии. Через три года в 1862 г. он ее защищает и получает степень доктора медицины. Сорок лет, начиная с 1863 г. и до 1902 г., М.М. Стефанович-Севастьянович прослужил во врачебной управе (впоследствии врачебном отделении) Харьковского губернского правления: вначале в должности старшего врача, с 1870 г. – помощником инспектора, а с 1876 г. – губернским врачебным инспектором. Одновременно он являлся врачом 1-й Харьковской мужской гимназии.

В 1875 г. М.М. Стефанович-Севастьянович женился. Его супруга Мария Васильевна была известна в городе своей благотворительной деятельностью, будучи членом Харьковского благотворительного общества и товарищем (заместителем) председателя Общества призрения бесприютных малолетних сирот, которое возглавляла жена губернатора. У супругов Стефанович-Севастьянович родились две дочери – Глафира и Ольга. Обе они были крещены в Вознесенской церкви Харькова. По записям в метрических книгах этой церкви удалось найти даты их рождения. Глафира Михайловна Стефанович-Севастьянович родилась 24 июня, крещена 1 июля 1876 г.¹⁰, а ее

⁵ ГАХО, ф. 40, оп. 121, д. 98, л. 105об.

⁶ ГАХО, ф. 40, оп. 121, д. 98, л. 106.

⁷ ГАХО, ф. 45, оп. 4, д. 5519.

⁸ Список студентов и допущенных к слушанию лекций Императорского Харьковского университета на 1854/1855 академический год. [Х., 1854]. [29] с.

⁹ Список студентов и допущенных к слушанию лекций Императорского Харьковского университета на 1855–1856 академический год. [Х., 1855]. [33] с.

¹⁰ ГАХО, ф. 40, оп. 113, д. 2, л. 468об.

младшая сестра – Ольга Михайловна родилась 28 июня, крещена 4 июля 1878 г.¹¹

Период жизни будущего святителя Иоанна с 1914 по 1919 гг. связан с административным центром Слобожанщины – Харьковом. После окончания Полтавского кадетского корпуса он по настоянию родителей учится в Харьковском Императорском университете на юридическом факультете. Мы можем видеть Михаила Борисовича Максимовича в списке «посторонних слушателей» Харьковского Императорского университета на 1914-1915 академический год¹². Поскольку после кончины М.М. Стефановича-Севастьяновича дом по ул. Старо-Московской, 22 перешел в собственность Б.И. Максимовича, то Михаил вместе с семьей проживал здесь. Дом этот, к сожалению, не сохранился, и сейчас на его месте находится здание послевоенной постройки.

В Харькове состоялась знаковая встреча Михаила Максимовича с его будущим духовным наставником. Переезд из Полтавы в Харьков удивительным образом совпал с назначением в мае 1914 г. на Харьковскую и Ахтырскую кафедру тогда архиепископа, а впоследствии митрополита и первоиерарха РПЦЗ Антония (Храповицкого). Владыка Антоний обратил внимание на интересующегося духовной жизнью юношу Михаила Максимовича, приблизил к себе, а затем, уже в эмиграции в Белграде, постриг в монахи и возвел в сан епископа Шанхайского.

Здание юридического факультета университета, на котором обучался М. Максимович, находилось на улице Университетской рядом со Свято-Антониевской университетской церковью, Успенским кафедральным собором и Покровским монастырем – местом пребывания архиепископа. Поэтому учеба будущего святителя органично дополнялась молитвой.

Еще одним важным событием в духовной жизни Михаила в Харькове стало знакомство со священником-миссионером, настоятелем церкви святого Феодора Стратилата при Александровской больнице Николаем Загоровским – духовным сыном оптинского старца Анатолия (Потапова), знаменитым харьковским проповедником предреволюционных лет. Впоследствии он прошел через ссылки и лагеря и стал принявшим подвиг исповедничества иеромонахом Серафимом, канонизированным как РПЦЗ, так и Украинской Православной Церковью в Соборе новомучеников и исповедников Слободского края. В своей статье «Виновато ли духовенство?», опубликованной в журнале «Вера и Разум» в 1909 г., он пророчески писал: «Говорят о пастырях в наши дни недобрые речи проповедники социализма и с той только целью, чтобы тем легче было им повести народ русский по кровавому и безбожному пути революции, низвергнуть в России государственный строй и ненавистную им Православную церковь, и самим захватить в свои руки власть над народными массами» [8].

Отец Николай с начала 1910-х годов стал организовывать для своих прихожан паломничества по святым местам Харьковской епархии (в Куряжский и Ахтырский монастыри), а также в соседний Белгород, где покоились мощи прославленного в 1911 г. святителя Иоасафа Белгородского.

Духовная дочь о. Николая, последние годы жизни подвизавшаяся в Леснинском монастыре, монахиня Магдалина (Иулиания Ноздрина) рассказывала, что «однажды, когда Миша подошел за благословением, о. Николай сказал ему: «Да ты будешь святым!» Юноша, потупив глаза, ответил: «Нет, отче, Вы станете святым!» [6]. Правы оказались оба.

В Харькове Михаила застали революционные события и последовавшая за ними гражданская война. Есть сведения, что в это

¹¹ ГАХО, ф. 40, оп. 121, д. 2, л. 90об.

¹² Список студентов Императорского Харьковского университета на 1914–1915 академический год. Харьков: Тип. «Печатное Дело», 1915. 269 с. + 10 с.

время он дважды подвергался аресту, но был отпущен [2, с. 45].

По окончании учебы в университете в 1918 г. М. Максимович успел поработать в Харьковском окружном суде, однако подробности его службы в этом судебном учреждении в открытых биографических источниках не сообщаются. Сам святитель, видимо, не оставил об этом периоде каких-либо подробных воспоминаний. По крайней мере, до сих пор таковые не известны. Поэтому весьма интересными для исследователей жизни святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского могут оказаться обнаруженные нами в Государственном архиве Харьковской области (ГАХО) архивные материалы о службе Михаила Максимовича в Харьковском окружном суде.

Прежде всего следует сказать, что в харьковском архиве сохранился «Формулярный список о службе младшего кандидата на судебные должности при Харьковском окружном суде Михаила Борисовича Максимовича»¹³. Из него можно узнать, что по окончании полного курса юридических наук в Харьковском университете с дипломом первой степени М. Максимович Приказом старшего председателя Харьковской судебной палаты от 19 июня 1918 г. № 35 был определен младшим кандидатом на судебные должности при Харьковском окружном суде. Приказом председателя Харьковского окружного суда от 25 июня 1918 г. он командирован для занятий в 3-е гражданское отделение суда. Ему было назначено содержание в 3600 рублей в год.

Из других сведений в формулярном списке отмечено, что М. Максимович имеет светло-бронзовую медаль на Андреевской ленте в память 200-летия Полтавской победы. Как известно, обучаясь в Полтавском кадетском корпусе, кадет М. Мак-

симович участвовал в торжествах 200-летия битвы под Полтавой. В формуляре также указано, что М. Максимович происходит из дворян, что имеется «у родителей в Изюмском и Старобельском уездах родовая и благоприобретенная земля и дом в г. Харькове»¹⁴. Наказаниям и взысканиям не подвергался, холост.

Однако в указанном списке нет сведений о дальнейшем продвижении по службе кандидата на судебные должности М. Максимовича. В то же время другие документы свидетельствуют о том, что М. Максимович занимал впоследствии должность помощника секретаря Харьковского окружного суда. В частности, это подтверждают сохранившиеся требовательные ведомости на выдачу содержания служащим Харьковского окружного суда за 1919 г.¹⁵

Кроме того, важным архивным документом является сохранившаяся расписка на получение авансов в размере месячного содержания на приобретение топлива служащими административного отделения Харьковского окружного суда с круговой порукой друг за друга¹⁶. Последнее значит, что выданный аванс впоследствии нужно было погасить, а если кто-то из подписантов не сможет это сделать, то это должны сделать за него остальные. Под распиской стоят три подписи: секретарь В. Троицкий, помощ[ник] секр[етаря] Максимович, служ[ащая] отд[еления] Афанцева. Судя по почерку, расписка написана В. Троицким, а подпись «Максимович» сделана другими чернилами и другим почерком. Таким образом, можно заключить, что в харьковском архиве сохранился автограф Михаила Максимовича образца 1919 г. (рисунок), поскольку под распиской стоит удостоверяющая кредитоспособность подписантов запись товарища председателя Харьковского окружного суда от 7 октября 1919 г.

¹³ Формулярные списки чиновников окружного суда, фамилии которых начинаются на букву М // ГАХО. Ф. 372. Оп. 2. Д. 20. Л. 3-4.

¹⁴ Формулярные списки чиновников окружного суда, фамилии которых начинаются на букву М // ГАХО. Ф. 372. Оп. 2. Д. 20. Л. 3об.

¹⁵ Требовательные ведомости служащих окружного суда за 1919 год // ГАХО. Ф. 372. Оп. 1. Д. 624. Л. 7об.

¹⁶ Производство о выдаче авансов в счет жалованья за 1919 год // ГАХО. Ф. 372. Оп. 1. Д. 628. Л. 71.

и, что напечатано в книге не только
взнос и крестовое погребение
друзья.

Судя по ВМЗ
Наша книга — Максимова
Судя по ВМЗ. Справедливо.

недостатком является отсутствие
наш администр. отделений и распо-

Рис. Автограф помощника секретаря Харьковского окружного суда Михаила Максимовича из Государственного архива Харьковской области, 1919 г.

Fig. The autograph of Mikhaïl Maximovich, the Assistant Secretary of the Kharkiv District Court, from the State Archives of the Kharkiv region, 1919.

Уже через два месяца, 12 декабря 1919 г., Добровольческая армия оставит Харьков и в него войдут войска Красной армии. Михаил с родителями покинет Харьков и в ноябре 1920 г. эмигрирует вначале в Константинополь, а затем – в Югославию, где примет монашеский постриг с именем Иоанн (в честь его предка – митрополита Тобольского Иоанна Максимовича), а затем и епископскую хиротонию.

Таким образом, имеющиеся в ГАХО архивные документы подтверждают, что Михаил Максимович работал в Харьковском окружном суде примерно полтора года – с 19 июня 1918 г. и, по крайней мере, по октябрь 1919 г. В это время Харьков пережил правление гетмана П.П. Скоропадского (с мая до ноября 1918 г.), Директории

(ноябрь – декабрь 1918 г.), большевиков (январь – июнь 1919 г.) и Добровольческой армии (июнь – декабрь 1919 г.).

Живя в Харькове и наблюдая происходящее, М. Максимович решил посвятить себя подвижническому пути служения в лоне Православной Церкви (см. подробнее: [7]). Как скажет впоследствии сам святитель Иоанн в Слове при наречении во епископа Шанхайского: «Изучая светские науки, я все больше углублялся в изучение науки наук, в изучение духовной жизни. Монастырь, где жил архипастырь [Антоний Храповицкий, будущий первоиерарх РПЦЗ], и церковь привлекали меня больше, чем место, где я учился высшим светским наукам.

Совершившееся крушение государственной мощи нашего Отечества убедило меня окончательно в непрочности всего земного и слабости человеческих сил и способностей, и я решил отречься от сует земного мира, посвятив себя едино служению Богу» [3]. Выбор, предопределивший дальнейший путь служения, был сделан на слобожанской земле.

Таким образом, ветви родового дерева святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского (Максимовича), представленные его предками по линиям отца и матери, тесно связаны со Слобожанщиной. Здесь же сформировались и основные духовные качества Михаила Максимовича, ставшего впоследствии почитаемым православным святым Иоанном Шанхайским и Сан-Францисским.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of interests: the author has no conflict of interests to declare.

Литература

1. Багaley, Д.И., Миллер, Д.П. История города Харькова за 250 лет его существования (1655-1905): Т. 2: XIX – начало XX века : Историческая монография: В 2 т.: Репринт. изд. Харьков: Б.и., 1993. 974 с.
2. Герман (Подмошенский), игум., Серафим (Роуз), иером. Блаженный Святитель Иоанн Чудотворец. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд. дом Русский паломник, 2008. 929 с.
3. Иоанн (Максимович), архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский, свт. Слово при наречении во епископа Шанхайского [Электронный документ]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Maksimovich/slovo-pri-narechenii-vo-episkopa-shankhajskogo/ (дата обращения: 26.03.2018).
4. Максимович, И. Сборник сведений о роде «Максимович». Составил И. Максимович исключительно для членов своей семьи, родных, друзей и добрых знакомых, не предназначая такового для продажи. Рига: Тип. Л. Бланкенштейна, 1897. 145 с.
5. Ольга Ильинична Подобедова. Страницы биографии [Электронный документ].

URL:

<http://www.swod.ru/txt/PodobedovaOI/about/> (дата обращения: 26.03.2018).

6. Петр (Перекрестов), прот. Владыка Иоанн – святитель русского зарубежья. В Харькове. Первые уроки благочестия [Электронный документ]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/4453.html> (дата обращения: 26.03.2018).

7. Черномаз, П.А. Слобожанская земля – место духовного становления святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского (Максимовича) // Евангелие в контексте современной культуры. 1917–2017: Уроки столетия: сборник материалов V Междунар. науч.-практ. конф., г. Белгород, 18 мая 2017 г. / под ред. Т.И. Липич, С.М. Дергалева. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. С. 27-31.

8. Шоломова, С.Б. Харьковский серафим / Харьковская правозащитная группа. Харьков: Фолио, 2003. 188 с.

References

1. Bagaley, D. I. and Miller, D. P. (1993), *Istoriya goroda Khar'kova za 250 let ego sushchestvovaniya (1655–1905)*. T. 2. [History of the City of Kharkov for 250 Years of its Existence (1655–1905). Vol. 2.], Kharkiv, Ukraine. (in Russ.)
2. Herman (Podmoshenskiy), hegumen and Seraphim (Rose), hieromonk (2008), *Blazhenny Svyatitel' Ioann Chudotvorets* [Blessed St. John the Wonderworker], 2-nd ed., Ed. House “Russkiy Palomnik”, Moscow, Russia. (in Russ.)
3. John (Maximovich), Archbishop of Shanghai and San Francisco, Sts. *Slovo pri narechenii vo yepiskopa Shankhayskogo* [Word when naming the bishop of Shanghai] [Online], available at: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Maksimovich/slovo-pri-narechenii-vo-episkopa-shankhajskogo/ (accessed: 26.03.2018), (in Russ.).
4. Maximovich, J. (1897), *Sbornik svedeniy o rode «Maximovich»* [Collection of information about the ramage of Maximovich], The printing house of L. Blankenstein, Riga, Russia. (in Russ.)
5. Ol'ga Il'inichna Podobedova. *Stranitsy biografii* [Olga Ilyinichna Podobedova. Biography pages], [Online], available at:

<http://www.swod.ru/txt/PodobedovaOI/about/>
(accessed: 26.03.2018), (in Russ.).

6. Peter (Perekrestov), Archpriest, *Vladyka Ioann – svyatitel' russkogo zarubezh'ya. V Khar'kove. Pervyye uroki blagochestiya* [Vladyka John is the prelate of the Russian diaspora. In Kharkov. The first lessons of piety], [Online], available at: <http://www.pravoslavie.ru/4453.html> (accessed: 26.03.2018). (in Russ.)

7. Chernomaz, P. A. (2017) Slobozhanskaya zemlya – mesto dukhovnogo stanovleniya svyatitelya Ioanna Shankhayskogo i San-Frantsiskogo (Maksimovicha) [The Slobozhansky land is the place of the spiritual formation of St. John of Shanghai and San Francisco (Maximovich)], *Yevangeliye v kontekste sovremennoy kul'tury. 1917–2017: Uroki stoletiya* [Gospel in the context of modern culture. 1917-2017: The Lessons of the Century], in Lipich, T.I. and Dergalev, S.M. (ed.), Publishing House "Belgorod" of BelSU, Belgorod, Russia, 27-31. (in Russ.),

8. Sholomova, S. B. (2003), *Khar'kovskiy serafim* [Kharkov's Seraphim], Folio, Kharkiv, Ukraine. (in Russ.)

ОБ АВТОРЕ:

Черномаз Павел Алексеевич, кандидат географических наук, доцент, кафедра международных экономических отношений, Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, пл. Свободы, д. 4, г. Харьков, 61022, Украина; pavel.chernomaz@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Pavel A. Chernomaz, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Department of International Economic Relations, V. N. Karazin Kharkiv National University, 4 Svobody Sq., Kharkiv, 61022, Ukraine; pavel.chernomaz@gmail.com

MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 304

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-2-0-5

Вешнинский Ю. Г.	ГОРОД СТЕРЕОСКОПИЧЕСКИЙ ИЛИ ПАМЯТЬ КУЛЬТУРЫ (Впечатления участника конференции и сборника. Социальная антропология города / Под науч. ред. Окладниковой Е.А. СПб.: Л-Принт, 2018. 137 с.)
------------------	---

Независимый исследователь, ул. Академика Бочвара, д. 5, корп. 2, кв. 92, 123183, г. Москва, Россия; veshyuri@yandex.ru

Аннотация. В рецензии дается обзор конференции «Социальная антропология города» (Санкт-Петербург, 22-23 марта 2108 г.) и сборника ее материалов, выпущенных под редакцией инициатора и координатора конференции Е.А. Окладниковой. В докладах и статьях впервые с 70-х гг. прошлого века представлено многообразие современных исследовательских проектов и программ, осуществляемых академическими, вузовскими и независимыми исследователями города как целостного социального организма. Комплексные междисциплинарные исследования истории и современного развития городов в России и других странах интегрируют сообразно с исследовательской проблематикой географические, демографические, биосоциальные, социально-психологические, социокультурные, архитектурные, строительные. историко-культурные, научно-исторические и другие подходы и методологии. Накопленный опыт и результаты, представленные на конференции и в сборнике, могут составить основу для современного прорыва в развитии отечественного градovedения.

Ключевые слова: социальная антропология; междисциплинарность; город; городская культура; градovedение.

Yu. G. Veshninsky	CITY STEREOSCOPIC OR MEMORY OF CULTURE (Impressions of the Conference Participant and coauthor of the Collection of Works: E.A. Okladnikova (Ed.) (2018) Social Anthropology of the City, L-Print, St. Petersburg)
-------------------	--

Independent researcher, bld. 2, apt. 92, 5 Academician Bochvar, 123183, Moscow, Russia; veshyuri@yandex.ru

Abstract. The review gives an overview of the conference "Social Anthropology of the City" (St. Petersburg, March 22-23, 2108) and a collection of its materials, edited by the initiator and coordinator of the conference E.A. Okladnikova. The reports and articles represent the diversity of modern research projects and programs implemented by academic, university and independent researchers of the city as an integral social organism, for the first time since the 70's of the last century. Complex interdisciplinary studies of the history and modern development of cities in Russia and other countries integrate geographic and demographic, bioso-

cial, socio-psychological and sociocultural, architectural and construction, historical and cultural, scientific-historical and other approaches and methodologies, in accordance with the research problems. The accumulated at the conference and in the collection experience and results can form the basis for a modern breakthrough in the development of national urban studies.

Keywords: social anthropology; interdisciplinarity; city; urban culture; city studies.

22-23 марта 2018 г. в Санкт-Петербурге состоялась научно-практическая конференция с международным участием «Социальная антропология города». Конференция проходила под эгидой Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ РАН), Социологического института РАН (СИ РАН) и Петровской академии наук и искусств. В Оргкомитет конференции входили: профессор А. В. Воронцов (РГПУ) (председатель), доктор исторических наук Е. А. Окладникова (РГПУ) и кандидат исторических наук Н. Е. Мазалова (МАЭ РАН) (сопредседатели), а также, в качестве членов, кандидат социологических наук Б. Е. Винер (СИ РАН) и кандидат философских наук В. Г. Узунова (МАЭ РАН). Особенно хочется выделить роль инициатора и координатора конференции Е. А. Окладниковой.

На этой конференции впервые за долгие годы, едва ли не с 1970-х годов, город рассматривался комплексно и междисциплинарно. И не «между прочим» (как часть региона, например), а именно как главный, самостоятельный и самоценный объект изучения. В этой связи можно вспомнить название одной из книг выдающегося питерского градоведа и краеведа, продолжателя градоведческой традиции И. М. Гревса, Н. П. Анциферова «Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного исследования» (Л., 1925). Не случайно, видимо, российское градоведение получило новый импульс развития именно в том городе, где оно зародилось еще в XIX веке. На мой взгляд, началом социальной антропологии города в России может считаться гениальная, до сих пор недостаточно известная и не оцененная

по достоинству, статья В. Г. Белинского «Петербург и Москва», опубликованная в вышедшем в 1845 году под редакцией Н. А. Некрасова сборнике «Физиология Петербурга». Уже в Серебряном веке эта традиция была продолжена трудами одного из классиков «русской школы» (École Russe) историков и социологов Н. И. Кареева, а также И. М. Гревса, Н. П. Анциферова, А. К. Дживелегова, П. А. Сорокина, Н. П. Муратова и т.д. В 1970-1980-х годах в Ленинграде сложилась довольно сильная градоведческая школа. Можно вспомнить, например, городских этнографов, условно говоря, «школы Н. В. Юхнёвой», Г. З. Каганова и других авторов закрытого на заре перестройки журнала «Строительство и архитектура Ленинграда». И сейчас, похоже, Петербург снова может стать, или уже становится, главной в России лабораторией градоведческой мысли.

К сожалению, Оргкомитет конференции действовал в несколько импровизационном духе и, как выяснилось, секретари секций не конспектировали выступлений докладчиков. Поэтому сейчас мне не всегда удастся восстановить их содержание по памяти. Надо надеяться на то, что в будущем году, при проведении следующей конференции «Социальная антропология города» (а эти конференции предполагается сделать ежегодными), эти недостатки будут учтены и исправлены.

В первый день, после приветствия Декана факультета социальных наук, профессора А. В. Воронцова, подчеркнувшего важность деятельности по защите в городе русского языка, состоялось Пленарное заседание в Герценовском университете.

Б. Е. Винер и К. С. Денисенко (СПб., СИ РАН) выступили с докладом «Город-

ские этнографы в современном Петербурге». В нем нашла продолжение почтенная питерская традиция городской этнографии, представленная трудами покойной Н. В. Юхнёвой (1930-2013) и ее учеников и последователей.

В докладе А. Б. Богдановской (СПб., РГПУ им. А. И. Герцена) «Образ города в автобиографических нарративах петербуржцев» проявилось именно антропологическое, человекоцентрическое измерение города, видение его как объединения «субъективных образов» его коренных жителей.

Доклад Ю. Г. Вешнинского (Москва, независимый исследователь и автор этой статьи) «Сравнение образов Петербурга и Москвы в общественном сознании москвичей в прошлом и настоящем» представлял собой, в значительной степени, современные «размышлизмы» автора о проводившихся им с конца 1970-х до начала 2000-х годов опросах об эстетически-средовых предпочтениях респондентов-москвичей. В этом докладе отмечалась, в частности, парадоксальная ситуация: именно потому, что после событий 1917 года и переноса столицы в Москву Петроград-Ленинград-Санкт-Петербург перестал быть столицей и (в отличие от Москвы) на масштабную его реконструкцию просто не выделялось средств, он сохранил уникальную столично-имперскую архитектурно-художественную оболочку, или, если угодно, «скорлупу». А в Москве (именно в связи с обилием крутящихся в ней «бешеных денег») с этим всё оказалось гораздо хуже.

В докладе Е. П. Мартыновой (Тула, ТГПУ им. Л. Н. Толстого) «Большой город глазами студентов-северян» город показан как совокупность субъективных образов приезжих студентов.

В докладе Н. Е. Мазаловой (СПб., МАЭ РАН) «Нева – главный проспект Петербурга: мифологические представления горожан» представлено культурно-семиотическое измерение города и его специфической «городской мифологии».

После пленарного заседания началась работа секций. Расскажу сначала о первой

секции, в работе которой принимал участие.

В докладе Н. А. Мартьяновой (СПб., РГПУ им. А. И. Герцена) «Социологическое осмысление конструктивизма в архитектуре» была предпринята интересная попытка связать эстетику конструктивизма в архитектуре Ленинграда 1920-х годов с социальными экспериментами, (с уравнительными идеями «домов-коммун» и т.п.).

Доклад Д. О. Биннатовой (СПб., Северо-Западный медицинский университет им. И. И. Мечникова) «Темные порталы Сенной площади» затронул важную проблему сложения и эволюции «социальной репутации» места.

В докладе И. В. Петровой (СПб., СПбГУ) «Кейс “Санкт-Петербург-2018”: основания и перспективы социопропространственной агрегации» шла речь о практических, прикладных исследованиях для целей презентации города его «потребителям». Рассматривалась, в частности, возможность формирования новых социально-солидарных отношений принадлежности.

В докладе Д. А. Тихонова (Москва, МГУ) «Триумфальная площадь: опыт становления общественного пространства в Москве» прослеживается история одного из самых общественно значимых и культурно насыщенных публичных пространств Москвы. Стоит особо отметить, что сегодня проблема «упраздняемых» (или произвольно «переформатируемых») публичных пространств в наших городах стала особенно актуальной.

Интересен был доклад С. С. Степанова и Л. И. Новиковой (СПб, Российская национальная библиотека) «Образ города и стереотипы туристского поведения в окрестностях Санкт-Петербурга (по материалам дореволюционных путеводителей по столичной губернии)».

Представлял интерес с точки зрения «родиноведения», краеведения малых городов или малых населенных мест, доклад Л. А. Бирюковой (СПб., РГПУ) «Составляющие образа города Колпино».

Интересен с позиции, если так можно выразиться, «точечного» краеведения был также доклад В. И. Сычёва «Дом морского министра (Английская набережная, дом 30) в 1809-1821 гг. Неизвестные истории».

В освещении работы второй секции, на которой я не был, в тех случаях, когда доклады не вошли статьями в сборник материалов конференции, я буду пользоваться сведениями, полученными от членов Оргкомитета Е. А. Окладниковой и Н. Е. Мазаловой.

Интересен был доклад Ю. В. Бучатской «“Город мечты”: роль структуры и истории города в формировании имиджа (пример Бамберга, ФРГ)», основанный на материалах проведенных автором опросов. В частности, прослеживаются различия между формируемым имиджем этого франконского (Франкония входит в состав Баварии, но имеет свой диалект, свои культурные особенности и свое самосознание) города как «города мечты» и его куда более сдержанными реальными оценками жителей. Кстати заметить, я был в этом городе в мае этого года и могу подтвердить, что с точки зрения туриста Бамберг, действительно, очень красив.

Особо хочется выделить доклад Е. С. Соболевой (СПб., МАЭ РАН) «Петербургские адреса писем из экспедиции в Южную Америку 1914-1915 гг.» о письмах на родину Санкт-Петербургских студентов – участников экспедиции в Южную Америку во время Первой мировой войны.

Интересен был доклад Д. А. Радченко и М. Д. Алексеевского (Москва, КБ Стрелка) «Событийная карта Петербурга в пространственной и социальной перспективе», посвященный культурному потреблению молодых петербуржцев и их представлениям о границах центра, образах отдельных районов, восприятию расстояний и доступности отдельных объектов.

Второй день конференции проходил на базе Института социологии РАН.

Большой интерес представлял доклад В. Г. Узуновой (СПб., МАЭ РАН) «Теоретические выводы по теме гранта “Совре-

менная петербургская идентичность: ресурсы сохранения и изменения”», чрезвычайно актуальный не только для Петербурга. Тема воспитания и передачи от поколения к поколению специфики питерской городской культуры и «городского патриотизма» в условиях усиленно централизованного и унифицируемого массового общества представляется мне сегодня очень важной.

Большой интерес представлял также доклад М. Н. Барышникова (СПб., РГПУ им. А. И. Герцена) «Ф. Е. Енакиев о перспективах социального “преобразования” Петербурга в начале XX века», напомнивший слушателям о незаслуженно забытом многими (в том числе и многими специалистами-градоведами) муниципальном деятеле.

Интересен был доклад Г. В. Еремичевой (СИ РАН) «Социальное планирование городского развития: ретроспектива и перспектива». К сожалению, мне не удалось вспомнить его содержание.

Интересен был также доклад Д. В. Руденкина (Екатеринбург, УФУ им. Первого президента России Б. Н. Ельцина) «Город как объект нерелексированного молодежного вандализма: опыт социологического анализа», посвященный практикам агрессивного поведения молодежи в больших городах России, разительно меняющим их социокультурный ландшафт.

Большой не только теоретический, но и практический интерес представлял доклад Е. В. Тыкановой (СПб., СИ РАН) «Реляционные формы взаимодействия слабых групп интересов в процессе борьбы за городское пространство». Любопытна и практически полезна своеобразная типология методов «обоснования» уничтожения памятников архитектуры («фасадизм», преднамеренное доведение до аварийного состояния и т.д.).

Интересен был также доклад В. Н. Семёновой (СПб., МАЭ РАН) «Формы и смыслы городских практик по сохранению памяти о Л. Н. Гумилёве: краткий обзор основных инициатив в Петербурге 2012-

2017 гг.». В этом докладе, в частности, говорилось о формировании и бытовании своеобразного «гумилевского мифа».

В по-своему интересном докладе М. Н. Шарендо (Рязань, Центр психологической реабилитации «Равновесие») «Влияние срыва гормональных систем адаптации на генетические мутации индивидов» проявилась, на мой взгляд, свойственная многим «естественникам» переоценка биологических и недооценка социокультурных факторов в жизненных процессах.

Интересен был доклад А. Д. Мануйлова (СПб., Санкт-Петербургская школа социальных и гуманитарных наук НИУ ВШЭ СПб) «Проекты сооружения метрополитена и других скоростных транспортных систем в Санкт-Петербурге: от разработки к обсуждению. Конец XIX – начало XX вв.».

Следует еще отметить, что когда готовился одноименный сборник материалов конференции (он был напечатан в июне 2018 года), то часть участников сборника присоединилась к нему уже после конференции. В результате состав сборника выглядит следующим образом (комментировать буду только те статьи, которые не фигурировали в виде докладов на конференции (и которых я сам не слышал), а добавились потом):

Воронцов А. В. (СПб., декан факультета социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена,) Приветствие участникам научно-практической конференции с международным участием «Социальная антропология города».

Товмасьян Э. О. (Москва, ЦНИИП Минстроя России, главный специалист научно-методического центра «Теринформ» Минстроя России) «Российским городам нужны полноценные социально-градостроительные обследования». Автор – многолетний научный сотрудник бывшего ЦНИИП градостроительства Госстроя СССР (ныне – ЦНИИП Минстроя РФ). Кстати сказать, он со студенческих лет был другом главного нашего теоретика урбанизации (и первого моего учителя в науке) Л. Б. Когана. В его статье дается довольно

подробная картина урбаноэкологической мысли на Западе и у нас, с краткими характеристиками ее главных классиков (Н. П. Анциферова, М. Вебера, Р. Парка, Э. У. Бёрджесса, П. Геддеса, Л. Б. Когана и др.), перечисляются основные решения международных организаций по городской политике и обосновывается необходимость научного подхода к ней.

Кужелев Е. Д., Любимов А. В. (СПб., РГПУ им. А. И. Герцена) «Роль эколого-градостроительных мероприятий в условиях неустойчивой городской среды». В статье рассматривается концепция эколого-градостроительного баланса на примере бразильского города Куритиба.

Воронцов А. В., Глотов М. Б. (СПб., РГПУ им. А. И. Герцена) «Реализация семейной политики в Санкт-Петербурге». В статье на основе материалов демографической статистики представлен анализ состояния рождаемости, семейного положения и причины падения интереса к увеличению рождаемости в стране и в городе, а также перечислены основные цели семейной политики Правительства Санкт-Петербурга.

Сымонович Ч. Э. (СПб., независимый исследователь) «Изменение численности и состава населения Ленинграда-Санкт-Петербурга при жизни ровесников войны (1940-2010)». В статье отмечается приоритетная важность для демографического поведения горожан условий повседневной жизни в городе. Но признается, что для более культурно-компетентной и требовательной части населения важен и престиж мегаполиса и городской культуры.

Blair A. Ruble (Woodrow Wilson Center, USA) «How Toronto became Toronto» («Как Торонто стал Торонто»). Блэр Рубл – крупный американский урбанист, директор Института Кеннана, чье участие в сборнике придало ему действительно международный характер. Его статья посвящена становлению в последние десятилетия новой «социальной репутации» канадского города Торонто. После Второй мировой войны он, благодаря развитию экономики и культуры, из американского (точнее, конечно, канадского) Белфаста превратился в

успешный мультикультурный город, в котором происходит процесс культурного взаимодействия представителей разных этно-конфессиональных и культурных сообществ. Благодаря успешному развитию, этот город избежал расовых патологий США.

Пивнева Е. А. (Москва, Институт этнологии и антропологии РАН) «"Природу в квартиру не запихнешь": о некоторых этнических маркерах у обских угров г. Ханты-Мансийска». В статье, основанной на материалах полевых исследований автора в городе Ханты-Мансийске, рассмотрен актуальный и малоизученный вопрос о влиянии города на этничность (этническую идентичность) хантов и манси. Делается вывод об отсутствии у них «городского» самосознания.

Петрова И. В. (СПб., РГПУ им. А. И. Герцена) «Кейс "Санкт-Петербург – 2018": основания и перспективы социально-пространственной агрегации».

Мартыанова Н. А. (СПб., РГПУ им. А. И. Герцена) «Социологическое осмысление конструктивизма в городской архитектуре».

Крейцер А. Ф. (СПб., РГПУ им. А. И. Герцена) «Феномен Петербурга и геологическая впадина Приневской низменности». Статья акцентирует факт расположения Петербурга в геологической впадине Приневской низменности, самой западной его точке. Рассматривается, в частности, его типологическое соотношение с Новгородом.

Окладникова Е. А. (СПб., РГПУ им. А. И. Герцена) «Образ агрогорода в представлениях его жителей». Целью исследования было выявление смысловых символических констант, с помощью которых жители Лаголовского поселения описывали образы своего места жительства. Полевые работы проводились непосредственно в Лаголово. Сверхзадачей исследования стало описание общества Лаголовского поселения как создателя и транслятора исторической памяти населения Невского края. Отмечалась важность для жителей небольшого поселения Лаголово

таких понятий как «уют», «спокойствие», «тепло», «тишина», «душевный комфорт».

Вешинский Ю. Г. (Москва, независимый исследователь) «Сравнение образов Петербурга и Москвы в общественном сознании москвичей в прошлом и настоящем».

Шарендо Е. А. (Рязань, ЦПР «Равновесие») «Адаптивная неадекватность индивида в городском пространстве. Социальные проявления». В статье отмечается, что развитие сознания и формирование мышления происходит неравномерно. А отсутствие четкой организации системы психологической адаптации к изменениям окружающей среды приводит, по мнению автора, к нарушению баланса психических функций и может выражаться в социальной дезориентации.

Шарендо М. Н. (Рязань, ЦПР «Равновесие») «Влияние срыва гормональных систем адаптации на структуру ДНК и возникновение генных мутаций».

Гемеджи Е. М. (СПб., РГПУ им. А. И. Герцена) «День рождения в современном мегаполисе». В статье анализируется ход эволюции процесса празднования дня рождения и влияния урбанизации на него. Приводится анализ нескольких источников и полевые материалы пилотажного исследования автора.

Можно отметить что в результате дополнения докладов на конференции новыми статьями в сборнике, общая панорама сюжетов и точек зрения на проблемы социальной антропологии города получилась еще богаче и разнообразнее. В итоге, комплексность и междисциплинарность рассмотрения города приобрели еще более «стереоскопический» характер. Можно лишь пожалеть, что не все интересные доклады на конференции превратились в статьи в сборнике. Но уже сейчас можно, на мой взгляд, говорить об определенном прорыве в развитии отечественной урбологии, об образовании в нашей науке новой «точки роста». Можно сказать, что связь времен в продолжении лучших традиций отечественного градоведения не прервалась.

Хочется надеяться на то, что, выражаясь несколько цветистым старинным слогом, усилиями организаторов и участников конференции и авторов сборника «с питерских стапелей был спущен на воду корабль, которому суждено большое плавание».

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Вешинский Юрий Григорьевич, кандидат культурологии, независимый исследователь, специалист в области урбанографии и социологии пространства, историк российского муниципализма и российского градоведения; ул. Академика Бочвара, д. 5, корп. 2, кв. 92, 123183, г. Москва, Россия; veshyuri@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Yuri G. Veshninsky, Candidate of Cultural Studies, Independent Researcher, specialist in the field of urban and space sociology, historian of Russian municipalism and Russian studies in urban studies; bld. 2, apt. 92, 5 Academician Bochvar, 123183, Moscow, Russia; veshyuri@yandex.ru